

Александр Плетнев

ВСКОРМЛЕННЫЕ ЛЬДАМИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Владимирович Плетнёв

Вскормленные льдами

Серия «Адмиралы Арктики», книга 2

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42724523

Адмиралы Арктики: Вскормленные льдами:

ISBN 978-5-17-115377-9

Аннотация

Мировое сообщество считает, что эскадра Рождественского застряла во льдах и миссия арктической экспедиции провалилась. Тем не менее попавший в начало XX века ледокол «Ямал» благополучно и уверенно взял эскадру под проводку Северным морским путём. Но это не значит, что маршрут будет лёгким и экспедицию не ждут все сложности ледового перехода, тяжёлые северные будни и даже потери.

И то, что императорская ставка в Санкт-Петербурге сумела провести успешную дезинформацию, не означает, что враг не подстраховался – отправив к северным широтам, к Берингову проливу, боевой дозор.

Содержание

Карское море	5
Флагманский «Суворов»	33
Обеспокоенные столицы	41
Высокими широтами	45
Санкт-Петербург	62
Карское море	73
Третьи сутки пути морем Лаптевых	89
Санкт-Петербург	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**Александр
Владимирович Плетнев
Адмиралы Арктики:
Вскормленные льдами**

© Александр Плетнев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Карское море

*Сначала время шло, потом остановилось,
Затем исчезло вовсе. Где? – Чу, во все глаза!
Одумалось, вернулось – на выбор и на милость.
Смолчать? Ответить «против»?
Иль без оглядки «за»?*

Изумительно прозрачный воздух Арктики добрасывал взгляд до самых до окраин, где на линии горизонта лежали далёкие и призрачные «острова» облаков.

На палубе левого (наветренного) борта, прикрытого стеной высокого полуюта, почти блаженный комфорт солнечного, лёгкого на мороз денька.

Следы ночного тумана красивой белой бахромой обвили леера и антенны, под прямыми лучами вытягиваясь в сосульки со срезов ярусов и палуб.

«Ямал» неторопливо скользит по белому ледяному полю, лишь немного отдавая вибрацию подошвам ботинок – плавающее многотонное атомного ледокола с мягким хрустом сминало ледовую кору Карского моря.

К полудню ветер и без того заметно утих. В небе даже появились птицы, видимо привлечённые заметной красной надстройкой – молчаливая стайка с чуть слышимым свистом крыльев облетала ледокол.

«Глупыши, – узнал эту разновидность буревестников капитан ледокола Андрей Анатольевич Чертов, – а давешний приبلуда пернатый безбилетник, наверное, уже давно упорхнул, пересидев непогоду!»

Проводив птиц взглядом, достал (в который раз) сигарету и снова засунул её обратно, зарёкшись «не больше пачки в день».

– И чего там?

Вопрос был задан боцману, вылезшему из узкой щели меж двумя контейнерами, куда тот смог протиснуться, лишь скинув с себя тёплый пуховик и толстый финский свитер.

– Так и есть. Я пломбы везде ставил. Но открыть они (скорей уж «он») – открыть они вряд ли смогли. Кроме пломб, остальное выглядит нетронутым.

– Ага, – согласился стоящий подле подшкипер, – туда пролезть и одному-то проблема.

– А ты как обнаружил? – уже у того спросил капитан.

– Да вот собачек выгуливал. Одна туда и вильнула... чего-то пожевать выудила. Наверное, оброненное, – подшкипер присел, почесав за ухом у мохнатой, чем-то смахивающей на росомаху поморской лайки.

Рядом попрошайкой склонил набок умную голову второй блохастый. Почти близнец, только на лбу у пса ещё виднелись остатки синеватой краски – метка, что это «передовой» в упряжке.

Чертов улыбнулся очаровательному пёсьему жесту. И тут

же помрачнел – собаки трофейные, достались после далеко не самой приятной истории с норвежским барком.

«Вот так, собак пожалели, людей – нет».

Собак было куда как больше – почитай с четырёх упряжек. Держать такую свору – «головная боль» и хлопоты. Планировали отдать на «Скуратов», но примерившись взглядом к судну, как к перевозчику собако-пассажиров, заценив «высоких гостей», что прибыли тогда на нём... в общем, отказались от этой затеи.

К тому же оставалась вероятность спалиться, если вдруг четвероногие были взяты в Александровске и кто-то, из тех же поморов, их бы узнал.

Так что (оставив вот этих двух) всю свору мимоходом высадили на острове Вайгач.

Постоянных поселений ненцев там не было, однако самодеды регулярно посещали своих идолов и святилища¹. Без сомнения, умные пёсики унюхают запах дыма и человека. Найдут себе новых хозяев.

«Вот ещё одна проблема», – мысли кэпа снова скользнули к чьей-то попытке вскрыть армейский контейнер.

Весь военный груз старались ставить впритирку, чтобы исключить свободный доступ к дверям и ручкам запорных

¹ Вайгач своего рода Мекка для самоедских племён. Ещё в 1594 году голландцы, искавшие торговый путь в Индию и Китай, обнаружили на острове более 400 идолов. В 1824 году государь император Александр I пожелал обратить северные народы в христианство, однако ненцы сумели сохранить свои святилища, перенеся некоторых идолов в глубь острова, спрятав в горах.

механизмов, но вот один нашёлся...

– Мы можем тут как-то устроить наблюдение? – Чертов взыскательно взглянул на начбезопасности и командира морпехов. – Не бойца истуканом, а скрытое?

– А как? – Почесал шапку Шпаковский. – Не вариант. Воткнуть тут её по дистанции, чтоб разрешение было соответствующее, негде. А ближе засветится – штуkenция же не микрошпионская. Факт. Если только пару проводов кинуть, да на размыкание сигналку...

– Вот и займитесь... если мы ещё не спугнули этого худыша-хитника нашей вознёй здесь. И всех на заметку, кто был при погрузке и мог знать про проход, – распорядился капитан, придав голосу ещё бóльшую строгость.

«А то ишь ты – британца порываются бомбить, “радикальный блок непримиримых”, мать их! А в собственном доме (какой-то ухарь решил прибахлиться “калашом”) навести порядок не могут».

Снова достал сигарету – теперь можно. Отошёл к планширу, сбивая пушок инея, чтобы облокотиться... затягиваясь, но почему-то без удовольствия:

«Вот же гадство! Вот уж не думал, что придётся доказывать свою капитанскую альфа-самцовость! Получается, что все ближайшие помощники у меня вояки, и им как волчарам подавай вожака стаи. Да чтоб ещё Акела не дай бог не промахнулся».

Нет... ему вообще-то импонировало, как военные, выхо-

дя в отставку, поддерживают друг друга, рекомендуя «своих» на работу на вполне приличные должности.

Да и руководство ФГУП «Атомфлот» с удовольствием берёт бывших подводников-атомщиков к себе, что вполне объяснимо – у тех специализация, дисциплинарная школа и исполнительность, вбитая ещё с военных училищ.

«Психика, правда, у ребят из подплава своеобразная, когда в походе по полгода без права всплытия, в стальном бочонке субмарины света белого не видишь (если только в перископ). С “полгода”, конечно, перегнул – полгода это уже дело экстремальное, чай не Советский Союз, но всё же... Н-нда. А по сути получается, что в стандарте двадцать первого века, мой авторитет как капитана ледокола поддерживается, в том числе и “бёрегом”. Вернёшься на базу – докладную руководству: “тот не соответствует, тот ещё чего...” И уволят! И... или свои же “накрутят” со звиздюлинами, что подвёл, не оправдал рекомендации. Премии лишат, да переведут с понижением на другую посудину. А тут закинуло – “бёрега” и высшего руководства нет. Вот и приходится лавировать, где прислушиваться к мнению, где упереться рогом, показывая, что ты крутой мужик, капитан и “первый после бога”, так его разэтак».

Что-то привлекло его внимание!

«Тёмное в небе вроде... По-моему, уже видны дымы эскадры Рождественского».

– Я на мостике, если что, – бросил подчинённым и нето-

ропливо зашагал в сторону бака.

Там его уже ждала новость – приятная и не очень.

– Радио с Петербурга!

– Наконец!

Примчал в радиорубку:

– Давай!

Взял гарнитуру:

– Алфеич! Привет. Какими судьбами! Мы уж и не ждали...

Понеслось... Сначала на радостях – «как дела... что там у вас... как жив-здоров?». Обменялись коротко, взхлёб и сумбурно.

Вот на «жив-здоров» Гладков и остудил неприятным:

– Престин убит...

– Ёх!.. То-то я смотрю, «скуратовская» радиостанция молчит...

– Хана той рации, влезли на «Скуратов». Престин хоть и успел там вроде даже поджечь, чтоб супостат не дознался, да сам не уберёгся.

– Вот так дела! Жаль мужи... э-э-э... Константина Ивановича. Кто?

– Островитяне, походу. Разведка...

– Погоди, япо?

– Англи.

– Ты смотри, какие прыткие. Тут один их крейсерок всё

крутится, по морям плавать, сука, мешает. Ребята ему сюрприз готовили, да не сложилось... пока.

А вот тут Гладков вроде бы буднично ляпнул про «кафтан» – что-то там про аудиенцию, то-сё, типа приличествующие одежды и всякое-прочее. Но главное было то, что про «одежду». А это значит...

«А это значит, что Гладков под приглядом и язык надо попридержать, фильтруя базар. Но гляди ты... – не без удивления от собственной прозорливости, подумал Чертов, – а наша-то домашняя заготовка пригодилась!»

Основа идейки была почерпнута у великолепного Херберта – типа «боевой язык»². Не «эзоп», а ключевые слова. Оговаривали всю эту шпионскую хитрость перед отправкой в Петербург, если честно, вроде бы в шутку «под бутылку», но с прицелом на всякий случай.

«И вот надо же, пригодилось – отработали. – Быстро прикинул: – Не “френч” – это военные, полиция. А “кафтан” это скорее дворня, прислуга или чиновники-исполнители. Но всё одно говорить откровенно не может, кто-то за спиной стойт. Хорошо хоть не “пижама” или “халат”, эти полосатые... “тюремные”. Вот тебе и добрые патриархальные времена. Вот тебе и “неси свет прогрессорства”. Вот тебе доверие и благодарность. Хотя предки в своём праве и логика их понятна. А помня видимое неудовольствие его монаршества во время посещения нас? таких правдорубных, то и вовсе

² Имеется в виду «боевой язык атрейдесов» в «Дюне» Фрэнка Херберта.

не удивительно. А скорей всего, всё ещё прозаичней. Связь! И информация. Тем более что “скуратовский” приёмо-передатчик накрылся. А если бы нет? Неужели так и зажимали бы радеёку? Неужели? Как непрактично. Или я всего не знаю?.. Что там вообще происходит у наших в Питере? Ведь и не порасспросишь доверительно, если пасётся кто над ухом...»

Так и оказалось.

Из динамика чинно и официально поприветствовал, представившись Ширинкин. Заявив, что рад установлению «беспроводной голосовой связи ледокола с дворцом». Что, дескать, государь-император занят важными делами и в настоящее время не нашёл времени для беседы, поручив все интересующие вопросы обговорить с управляющим Морского министерства генерал-адъютантом Авеланом Фёдором Карловичем.

Наверное, с тем же Дубасовым было бы проще, так как с ним уже имелся опыт общения, вполне в рабочем ключе.

Но Авелан... до него, вероятно, никак не доходило, что на данный момент наладить непосредственный диалог с Рождественским не получится.

Могло показаться (в представлении генерал-адъютанта), что он ведёт разговор через что-то похожее на обычную (допотопную) телефонную станцию, потому как однажды оговорился, пробасив «пусть барышня соединит...».

Тем не менее Фёдор Карлович был достаточно деликатен,

терпеливо выслушав о системе коммуникации с ледоколом и с эскадрой Рождественского.

Затем настал черёд ознакомления с общим положением дел близ Карских ворот и дальнейшими планами. Включая уже предпринятые действия.

Кстати заметить, Авелан, слушая, ни разу не перебил. Как и не стал раздавать необдуманных советов и распоряжений, намереваясь дождаться доклада Рождественского. О чём чётко попросил: «связаться с флагманом, потребовать отчёта у командующего эскадрой, сославшись на его авторитет и личное распоряжение императора».

Однако быстро закруглился, словно ему было в тягость. Или показалось?..

Тут Чертов попробовал поставить себя на его место (шестидесятилетнего, обременённого служебной ответственностью человека): «Кто такие эти на том конце провода... непонятные? Лиц не видел... рук не жал... честь по чести не представлялся... только лишь искажённые эфиром голоса».

И наверняка недовольные настроения самодержца уловил... не иначе.

Так что сеанс связи с Петербургом оказался неоправданно коротким... и вроде бы деловым, но опять же – ужасно непродуктивным. Недосказанным.

Не объяснишь же Авелану, что упрямец Зиновий не очень разговорчив «точкой-тире» и может вообще проигнорировать запрос.

«В общем, тупо установили контакт и проверили устойчивость канала», – так же тупо продолжал сидеть в кресле Чертóв, уставившись в одну точку на панели радиостанции с «упавшими» индикаторами приёма. Мысли текли тягучей патокой, беседа с абонентом (как со скрытым оппонентом) почему-то напрягла.

Параллельно в голове сидели непонятки (которые подспудно отвлекали): о Гладкове, о морпехе, о котором даже не успел спросить. Да и о Богдановой. Хотя почему-то считал, что женщине будет проще и безопасней в «почтительном обществе господ и дам».

Лишь бы она сама ничего не учудила.

Снова подумал об Авелане – всё ли он ему понятно и доходчиво объяснил? Даже представив, как тот кивает, ни хрена не понимая и не представляя – бородатый в мундире с эполетами дядька в напяленных на голову наушниках.

«Нелепость».

И разозлился: «Да и чёрт с ними! Пусть они входят в наше положение, а не мы в их. А то – Рождественский этот упёрся... и в Петербурге они там тупят, как будто это не их дело и не в их интересах!»

Услышав покашливание, рассеянно взглянул на радиста, наконец, родив:

– Слышал?

Молчаливый кивок.

– Давай составим радиограмму Рождественскому. И про

«Скуратов» с английскими шпионами обязательно упомянем, чтоб Зиновий не думал нас продинамить невниманием.

Через полчаса шифровку отстучали.

– Обед пропустил, – как бы себе заметил капитан, не в силах остановить бурчания в желудке. И кивнул радисту. – Потопаю в столовку. Придёт ответ, оттуда меня выдернешь. Хотя, зная как у них там медленно – успею и «первое» и «второе» умять и жирок завязать у себя в каюте.

Однако в радиорубку капитана вызвали буквально с «котлетой во рту».

* * *

– Ответ? Так быстро?

– Открытым, – коротко брякнул радист, протянув расшифровку с Морзе.

– Это не от Рождественского... – бегло пробежался по размашистому почерку Чертов.

– «Ослябя», как я понял. Потом сигнал забили помехами.

– А что там? – Высунулся из-за плеча капитана начальник безопасности.

– Матросы бунтуют. С революционными народовольцами во главе.

– Так вот что за стрельбу мы с беспилотника видели, – ознакомившись с текстом, догадался Шпаковский. – Сто пу-

дов, Рожественский «благородий» делегацией образумить отправлял, а те не подпускают – палить стали.

И сделав быстро вывод, тревожно взглянул:

– Капитан!!! Если Рожественский до вечера их не усмирит, я бы поостерёгся ночью подходить на «Ямале». Революционеры ж будут именно ночью штурма ждать. А тут мы, представляешь, из тумана с оскалом выплываем. Да они там, даже если не спяну, так с испугу кэ-э-эк влупят!

– Интересно, на эскадре вообще есть крутые ребята, типа верных царизму казаков, для подавления подобных бунтов? – посомневался Андрей Анатольевич и полуобернулся к радисту: – А Рожественский так и молчит?

– И будет молчать, – опередил того безопасник. – Насколько я его раскусил, Зиновий такой человек, что предпочтёт ходить в мокрых подштанниках, нежели признаться, что обделался. Но нам-то... мы-то что делать теперь будем?

* * *

Не хватило ли авторитета командира Бэра и его офицеров?..

Концевое ли положение броненосца в строю?..

Недавнее неудачное маневрирование корабля?..

Или же удачно лёгшие на почву сухого закона по эскадре и неясных перспектив подстрекательства революционно настроенных элементов, подбивших на выступление явных

бузотёров?

Тихий ропот на баке в матросских кубриках вылился наружу.

А дальше сработал эффект толпы.

Офицеров оттеснили, загнав в кают-компанию. Отыскали выпивку. Матросы вооружились, стрельнули из марсовых пушек, отбив охоту у кого-либо из флагманских офицеров явиться на корабль и разобраться со строптивцами.

Рождественский в бешенстве приказал бы открыть огонь по мятежному кораблю, но, к счастью, строгий кильватер полностью исключал такую возможность.

Пришёл запрос по «искровой» от потомков – Зиновий Петрович оставил его без ответа, надеясь, что они, как и обещали, с наступлением сумерек, наконец, подойдут на ледоколе. Эскадра двинется дальше согласно плану. Пьяная матросня уймётся, виновные будут арестованы.

А на атомоходе бы и не узнали ничего, если бы на «Ослябе» подвыпивший и окрылённый идеалист-революционер не явился к телеграфистам и не потребовал отстучать во всеуслышание о свершившейся маленькой революции.

Но всё было абсолютно бестолково – несмотря на революционные лозунги и «долой войну», требования верховодящих агитаторов, как и простое желание остальных матросов, упиралось в очевидное: «Застряли во льдах, вокруг ледяная пустыня, а обещанного спасения всё нет. Помёрзнем, братцы!»

На остальной эскадре мятежный корабль не поддержали и... это был тупик.

Вскоре наступит протрезвление, и многие из нижних чинов уже молились, чтобы появился обещанный ледокол, и всё разрешилось мирно.

А впереди была ночь, и революционный штаб (громко сказано) на броненосце в лице, кстати сказать, нетрезвых от отчаяния «товарищей», ожидал, «что же предпримет командующий?». И то, что адмирал Рожественский будет крут на расправу, никто не сомневался.

А солнце уже нехотя уползало в воду.

* * *

– Время! – известил штурман, колдуя с навигатором. – Двадцать минут.

– Время, – подтвердил Волков, стараясь быть бесстрастным – получалось плохо.

Ещё минуты предполётных проверок и взволнованных напутствий:

– Если неожиданно наткнётесь на интенсивный огонь, сразу уходите...

– Ветер умеренный, ровный...

– Оптимальная высота сброса...

– Постарайтесь с первого раза – эффект неожиданности...

– Навигационная карта архипелага со всеми островами

у нас «вбита». По РЛС я его как лишнюю жирную кляксу-железяку однозначно угляжу. Тем более он наверняка сам проекторами засветится. Даже в тумане, – Шабанов был совершенно флегматичен, словно каждый день вылетал кидаться бомбами-бочками по крейсерам.

– Всё! Время!

А солнце уже нехотя уползало в воду, оставляя за собой багровый горизонт. Вяло сляясь лоскутами, сыростью опускался туман.

Чертóв, накинув куртку, поднялся на мостик. На ют не пошёл: «Там и без меня провожающих хватает. Только лишний драматизм нагонять. Надо показать спокойствие и веру в подчинённых».

Чиркнул. Затянулся: «Последняя на сегодня и... И хрен там! На нервах, один чёрт, ещё за одной потянешься. И всё же... Слово меня всякий раз подводят к этому решению. Чертовщина прямо какая-то. Дожали-таки меня ребята. Вот упыри кровожадные!»

И вдруг с удовлетворением понял, что одобряет и согласен. Что надо не отвечать, а действовать на опережение!

«А и правильно! И поделом козлам. Так и надо! Хотя бы за Престина. Видимо, судьба ему погореть малость. “Бервику” этому злосчастному».

И кивнул сам себе, утвердившись: «Ещё этот Рождественский. Так до сих пор не ответил. Даже на телеграмму якобы

от Авелана. Может, не поверил? Будь ты неладен, Зиновий Петрович». С последней мыслью даже рука дёрнулась в сердцах метнуть окурок.

* * *

Процедура взлёта с подвеской отработана – с мостика было хорошо слышно и видно, как вертолёт завис, натягивая стропы, потом взвыл, поднимая груз, отводя стянутую сеткой связку бочек чуть правее.

Затем набирая высоту и скорость, обогнал ледокол по правому борту и стал удаляться, помаргивая огоньком.

Миг – и пилот потушил демаскирующий маячок – машина медленно пропадала в накатывающихся туманных сумерках.

* * *

– Расчётное время полёта – пятнадцать минут, – известил Осечкин и заерзал, закопошился в своём кресле, суча руками над приборами.

Шабанов молча щёлкал тумблерами, поглядывая на стрелки показателей.

– Автопилот? – спросил бортинженер и предупредил: – Ты присматривай за ним, он в прошлый раз моргал сбоем.

– Это диод глючит. Работает он. Нормально. Тут и автопилот-то ни к чему. – Тем не менее переключился на связь с «Ямалом», сообщив: – Я борт «три полста», в режиме автопилота. Полёт нормальный.

В ответ прохрипело подтверждение приёма.

Ветер умеренный, немного боковой, но с хвоста. Пилот что-то буркнул удовлетворительное по этому поводу.

На тысячеметровой высоте ночь ясная, безлунная, звездится, а внизу провал темноты – туман.

От полной иллюзии зависания в пространстве спасают приборы и внутреннее ощущение вперемешку с вибрацией машины.

Всего десять-пятнадцать минут подлёта к цели, пока машина выводится по курсовому автопилоту.

Бортинженер весь какой-то дёрганный, ему и эти четверть часа – тянучкой ожидания:

– Что ты об этом думаешь – по поводу швырнуть бочки с горючкой в бронированную железяку? Выгорит это дело?

– Пóхрен. Чего-нибудь и выгорит, – усмешка. – У британца на корабле всегда есть чему гореть.

– А я думаю, не наше это дело. Машину, ресурс гонять. Керосин палить. Да и рисковать.

Шабанов не отвечал, подсвечивал себе фонариком, переключивал какие-то листы, разглядывая.

Потянувшись тоже посмотреть, Осечкин увидел распечат-

ки профиля корабля.

– Это наш подопечный?

– Типа того. Они ж в архитектуре все почти одинаковые. Смотрю, куда лучше нашу зажигательную импровизацию положить.

В ответ послышалось скептическое фырканье:

– Дофига ты с полукилометра да в тумане что-то углядишь. Тут бы вообще накрыть.

– Не ссы, не сложнее, чем «духов» по ущельям... Положим в аккурат.

* * *

Стучать в дверь вестовой начал деликатно, но командир не отзывался. И матрос, в конце концов, забарабанил, добившись результата – в каюте завозились, что-то упало, слышались какие-то ругательства.

– Сэр, вас срочно вызывают на мостик!

Раздражённый ответ матрос расценил как «иди, я сейчас буду» и потопал обратно.

Командир крейсера «Бервик» кэптен Чарльз Деэ сначала заявился в ходовую рубку, оглядев недобрый взглядом замерших вахтенных. Не увидев старшего помощника, спросил у вахтенного офицера:

– Что случилось? Где все?

– Сэр! – Тот немного озадаченно указал кивком вверх. – Они на мостике, сэр!

Накинув ещё поверх тёплую непромокаемую ветровку, кэптен двинулся на мостик.

– Что случилось? – повторил свой вопрос он уже наверху, ёжась от стылого влажного ветра.

– Мы слышали странный звук... – старпом мотнул головой куда-то влево, спохватился и указал уже более определённо: – Он приближался с норд-оста.

Командир выпятил подбородок, чуть склонившись, дескать – далее.

– Звук исчез! – Старший помощник выглядел виноватым.

Чарльз Деэ красноречиво взглянул на хронометр, тем самым как бы говоря: «Вы меня подняли из-за какого-то пустака?» И демонстративно выражая недовольство, показал всем спину, двинув на крыло мостика, где была возможность оглядеть корабль вплоть до юта.

Ют мягко терялся в туманной пелене.

Крейсер стоял, отдав носовой якорь. До скальных островов архипелага было не больше полумили. Их тем более уже не было видно. Мазнувший луч прожектора не намного пробил белёсое марево...

«Едва ли на полтора корпуса корабля, – прикинул кэптен, – унылое гиблое место».

* * *

– Цель на пятнадцать к весту! – известил Осечкин командира.

– Вижу его на РЛС! – в свою очередь отчитался на ледокол Шабанов. Потянув ручки управления – машина стала набирать высоту, кренясь в вираже.

– Эй, ты куда? – удивился бортинженер. – Цель прямо по курсу!

– Зайдём с наветренной, – терпеливо объяснил пилот, – чтоб эта собака нас чуть позже учуяла. Верней услышала.

– А потолок?

– Не суетись, – обрезал пилот, – всё для того же. Потом быстро спикируем, с горизонталки роняем и дёру.

– Ё-ё-ё! – только смог протянуть прифигевший бортинженер. – А если жахнет раньше времени?

– Оговорено. Рассчитано. Проверено. Не жахнет.

А тем временем «Миль», рассекая морозный воздух, целенаправленно шёл по большому кругу, обходя цель с южной стороны.

– Сэр, – подал голос старший смены сигнальщиков, – тот же звук с зюйда.

Все наострили уши, прислушались.

– Похоже, он самый, – помощник даже обрадовался. – Как... как машина стучит!

– Не пойму, откуда он? – Скепсис командира медленно растворился. Он закрутил головой. – Словно отовсюду... Дьявольщина!

Лучи прожекторов шарили по поверхности воды с удвоенной интенсивностью – матросы тоже слышали и тоже не понимали, начиная нервничать.

А звук, изменив тональность, вдруг стал приближаться.

– Сверху! – несмело промямлил старший офицер и сам опешил от своего предположения: – Дирижабль?!

Кэптену Деэ почему-то тоже так показалось. В его голове быстро выскочили запомнившиеся газетные упоминания об успешных полётах этих неуклюжих надутых газом летательных аппаратов.

Однако, поднимая голову к небу, где пока никакого присутствия воздухоплавательной машины и не замечалось, подумалось почему-то не об опасности, а о «плевке сверху». Как будто прямо по лицу!

«Какая гадость! И ерунда! У русских на эскадре точно не

было никаких аэростатов или чего-то подобного».

И всё же с направлением определиться было трудно – ветер рвал туман, делая его неоднородным, звук то тонул, то пробивался. Отражался от близлежащих островов, внося совершеннейшую путаницу. В какой-то момент он вдруг стал стремительно усиливаться!

В мозгу Чарльза Деэ ещё бродили мысли о дирижабле, но в его понятии этот летательный аппарат нечто совершенно ненадёжное и медленное, а потому кэптен всё же уверял себя, что это приближается скоростной катер.

Именно это представление о неуклюжести не дало времени среагировать!!!

Звук нарастал быстро! Неприемлемо быстро, чем наконец вызвал тревогу! Буквально упав на голову!

– Сэр! – прокричал кто-то из офицеров, указывая за корму. – Там! Что-то выше!

– Сверху!

С момента первого предположения «Сверху!» прошло не более пятнадцати секунд!

* * *

– Ужé? – Осечкин смотрел на показания дистанции радара.

Увидев, что Шабанов пристегнулся, чего тот в полётах делал не часто, бортинженер следом тоже потянулся за ремня-

ми.

Пилот тем временем быстро, но цепко удостоверился в нормальных показаниях приборов.

По-настоящему летать он научился в Афгане, где... в общем, как говорится, «хочешь жить, умей вертеться», вот они и «вертелись» там, обходя инструкции и запреты, действующие в строевых частях.

Ми-8, в отличие от «затяжёлённого» в пилотировании «крокодила», более лёгок и «летуч»³. Пологое пикирование для этой, пусть и транспортной машины, вполне осуществимо. Правда, при таком манёвре имеют место быть всякие неприятные нюансы... Например значительная просадка при выводе из пикирования. На что имеются необходимые таблицы: соотношение горизонтальной скорости и потери высоты. Единственным непредсказуемым фактором оставалась висящая под брюхом байда в виде связки бочек, что потребовало лишней головоломки расчёта веса груза и его сопротивляемости набегавшему потоку воздуха.

Шабанов заученно засучил по тумблерам и кнопкам:

...устанавливая шкалу авиагоризонта в нулевое положение...

...выводя вручную значение высоты начала вывода из пикирования...

...фиксируя угол шага винта...

...снямая нагрузку с ручки управления, тем самым балан-

³ «Крокодил», имеется в виду боевой вертолёт Ми-24.

сируя машину...

Ввод в пикирование осуществляется плавным отклонением ручки от себя. Но получилось немного резковато (видимо, из-за груза), и не предупреждённый Осечкин ахнул, подавив мат, ощутив на некоторое время приступ невесомости.

Вертолёт пошёл в пологое пикирование.

Двигатели выли чуть в новой тональности – при вводе в пикирование наблюдается уменьшение частоты вращения несущего винта.

– Угол пикирования – двадцать! – бортинженер уже вёл свой контроль.

– Высота!

Ответ...

– Скорость?!

– Оптимально. Идём!

Вертолёт нырнул в пелену.

– По логике, крейсер должен стоять носом к ветру, а стало быть – заходим с кормы?

Шабанов не ответил. Он был занят управлением, удерживая машину от крена, следя по авиагоризонту за углом тангажа.

Скорость росла, и чувствовалась увеличивающаяся тяга винта – на ручке появилось давящее усилие. А также закономерное лёгкое скольжение влево. Компенсировал. Управляемое падение было стремительным.

Запищал сигнализатор высоты радиовысотометра.

– Командир! Выходим! Высота!

– Слышу. Вижу, – голос пилота совершенно спокоен.

– Скорость – двести пятьдесят.

Шабанов плавно потянул ручку управления на себя. Почувствовалась перегрузка.

Обычно при скорости до 250 км/ч вертолёт легко и охотно выходит из пикирования, но в этот раз просадка всё же оказалась больше расчётной.

– Командир – высота!

Поверхность летела навстречу.

«Да! Перебор, – не теряя самообладания, подумал Шабанов, потянув на пробу ручку чуть сильнее. Машина сразу задрожала, что говорило – надо уменьшить угловую скорость. – Тут ещё Слава паникует. И не заткнёшь его».

Слава паниковал:

– Командир! Высота! Сбросим балласт?

– Дурак! «Подпрыгнем» и лопастями (прогнутся вниз) вдарим по хвостовой балке.

«Миль» держался уже почти горизонтально, но продолжал снижение.

– По-моему, я его вижу!

Внизу рассеянные, пожираемые туманом лучи – мишень сама себя выдавала мельтешением прожекторов.

– Вот тебе и цель! Готовься к сбросу.

Английский крейсер – вид почти идеально с кормы. Лучи прожекторов джедаевски полосуют туман и поверхность

моря. Но ни одного вверх.

Вертолет, наконец, вышел на горизонталь, и теперь пилот снова тянул его выше. Выше мачт корабля.

Всё внимание было на переднюю полусферу.

– Сброс по моей команде! – Спокойствия и у Шабанова как не бывало.

– Мачты! – почти воет Осечкин. – Мачты зацепим!

– Сброс!

Мачту... грот-мачту задела сброшенная связка бочек. Разорвалась сетка, рассыпая груз от миделя до носовой надстройки.

* * *

Это было нечто совершенно невообразимое – примерно в двухстах ярдах со стороны кормы из тумана вывалился нечто, воя, казалось, совершенно невыносимо давящим, бьющим по перепонкам звуком. Кэптен Деэ орал, но сам себя не слышал!!! Лишь что-то больше похожее на «А-а-а-а!».

Оборвав свой бесполезный крик, подумал: «Господи Иисусе, всё-таки дирижабль?! Он несётся прямо на нас! Да он падает!» Чарльз Деэ замахал руками, пытаясь хоть так отдать какие-то распоряжения оцепневшим офицерам.

Он и сам на мгновение замер, глядя, как неузнаваемый, а потому невообразимый аппарат, грохоча с жутким свистящим прищёптыванием, пролетает выше. И часть этой непо-

нятной конструкции цепляет топ-мачты, падая... падая прямо на крейсер.

А потом пыхнуло оранжевым клубком огня, захлёстывая брызгами жидкого пламени и мостик.

* * *

– Твою мать! Хренов камикадзе! – орал бортинженер.

Заложив разворот, Шабанов смотрел на результат атаки – бело-розовое зарево внизу просматривалось отчётливо. Доложился:

– Я борт «три полста», груз сбросил. Наблюдаю обширный пожар.

– Добро, – ответили с ледакола.

Снова вернулось спокойствие. Заткнулся и бортинженер. «Миль» послушно полез на тысячу метров вверх. Стрелка гирокомпаса выставилась почти на восток.

– Возвращаемся.

* * *

Лишь одна из бочек бездарно канула в море. Сработавший в ней инициатор подрыва успел воспламенить содержимое, и у борта «Бервика» расплзлась горящая маслянистая лужа.

Остальные «гостинцы» рассыпались, раскалываясь, расплёскивая сгущённую субстанцию. Огонь почти мгновенно перекинулся от одной горючопасной лужи до другой, охватив довольно большой участок от миделя до фок-мачты.

Экипаж до утра боролся с возгораниями, столкнувшись с неведомой для себя проблемой – липучей, никак не желающей тушиться дрянью. Пожарные расчёты выбывали, получая ожоговые травмы. Доставалось матросам и от детонации боеприпасов артиллерии среднего калибра, поданных к орудиям, как ранее думалось, «продуманно заблаговременно».

Офицерам и кептэну Деэ поначалу повезло – их лишь заляпало с разбившейся бочки, наполненной только бензином. Позже их, обгоревших в разной степени, разместили в лазарете.

Но основным коварством оказались выделяющиеся при горении напалма ядовитые газы, от которых люди умирали на лазаретных койках уже по пути домой.

Флагманский «Суворов»

В ночь корабли подсвечивались топами, перемигивались дежурными огнями брандвахты, щетинились лучами прожекторов, высвечивая, пугая тенями торосов.

Туман едва позволял высмотреть ближайшего мателота, курящегося дыханием топок, гоняющих пар кочегарок – обогреть утробу корабля и людей.

В адмиральском салоне подле стола с разложенной картой застыла всё ещё подтянутая, закованная во флотский мундир фигура командующего.

«Подтянутая» сказать было бы не совсем правильно, скорей всё ещё крепкая. Однако годы брали своё, и некогда бравый адмирал погрузнел усталостью почти шестидесятилетнего человека, вся бравость которого трансформировалась в невыносимый характер.

А спустя всего три часа Зиновий Петрович совсем расклеится под действием напряжённого ожидания, частично алкоголя и дрянного состояния хронического недосыпа.

Но не полетят, разбиваясь, пресловутые «зрительные трубы». Историю как всегда любят приукрасить или, наоборот, извлекать в неправде.

Рождественский, несомненно, был крайне вспыльчив, нетерпелив, авторитарен, но никаких адмиральских жалова-

ний не хватит возмещать ущерб короне (сколько их там упоминалось – «труб зрительных – 50, биноклей – 100»). А потому количество расколошмаченной именно Зиновием оптики можно смело минусовать, а то делить на два... три.

Ныне же он, находясь в салоне, где у него имелись свои... личные (милые сердцу) вещи, и вовсе не давал волю рукам, выплёскивая и одновременно гася свой гнев (рюмку за рюмкой) коньяком.

Имея общее представление, как ледокол будет вызволять эскадру, адмирал намеревался предъявить пьяной матросне на «Ослябе» ультиматум: «Коль не сдадите зачинщиков, не восстановите дисциплину и порядок, останетесь сидеть во льдах, тогда как остальные уйдут к чистым водам».

Бросать корабль, конечно, ни в коем случае он бы не стал, но думал, что бузотёры вряд ли будут долго упрямыться.

Но прошёл час! И если следовать логике и нежеланию потомков показывать своё уникальное судно наблюдателю-британцу, громадине-ледоколу уже давно следовало заниматься кораблями его эскадры, освобождая из ледового плена.

Час назад сигнальщики докладывали о наблюдаемом свечении в той стороне, где должен был торчать британский крейсер.

Рождественский поднимался на мостик, долго глядел в бинокль, в темноту. И вроде бы даже что-то видел, когда го-

нимый умеренным ветром туман открывал прорехи в своей пелене.

«Действительно – похоже на зарево. Не значит ли это, что потомки всё же поступили по-своему и подожгли крейсер?»

И почти тотчас, переступив через упрямыство, приказал отбить телеграмму за разъяснениями. Так как, если диверсия имела место быть, то...

Тут в голове у командующего выскакивали разные домыслы: «Какова эффективность воспламеняющих средств, которыми попотчевали “англичанина”? В каком он будет состоянии после локализации пожара? Не ответят ли на вызов британцы, открыв огонь по эскадре (не сейчас, а когда рассветёт)»?

А тактическое преимущество перед обездвиженными, вытянутыми в колонну кораблями у «Бервика» имеется.

Но прошёл ещё час – ни ледокола, ни ответа по «искровой».

«Надо же! Отомстили. Не отвечают», – на удивление без злобы подумал Рожественский и было потянулся к распределительному блоку, чтобы в который раз вызвать радиорубку – спросить «есть ли ответ?», но понял, как унижительно он будет выглядеть в глазах телеграфистов, – словно с протянутой рукой.

И протянул руку к ополовиненной бутылке.

«Что ж, – слегка поморщившись от крепости напитка, ре-

шил адмирал, – уместно будет зарядить орудия. Перед рассветом. И если поведение англичанина покажется угрожающим...»

И прождал-промаялся ещё час, пока не пришёл в то самое «расклеенное» состояние.

И в итоге, раздав наставления флаг-офицерам, увалился спать. Мучаясь остаток ночи тяжёлым и дёрганным сном.

А утром, почти не отдохнувший, с набрякшими мешками под глазами с нескрываемым удовлетворением и удивлением выискивал (и не находил), глядя в бинокль, английский корабль.

«Вот черти – сработало!»

Настроение адмирала стало настолько благодушным, что он приказал отправить телеграмму на ледокол: «Можете быть довольны – британский крейсер ушёл».

И тут же получил лаконичную квитанцию: «Крейсер стоит за островами архипелага. Наблюдаются небольшие очаги задымления».

Как потом выяснилось, зализав раны, «Бервик» побитой собакой двинул в обратный путь только после полудня.

Но все, от кочегарки до ходового мостика, не видя приевшийся силуэт «британца» на горизонте, надеялись: «Может ли убежать лихоимец?» И ждали: «Интересно, господа, как скоро теперь подойдёт обещанный адмиралом американский ледокол?»

А спустя тройку часов сигнальщики радостно проорали, что наблюдают на горизонте с оста красную точку. Вскорости выросшую до размеров судна.

Ледокол был ещё не виден невооружённым глазом, а спасительная новость побежала с корабля на судно, с парохода на броненосец.

На «Ослябе» протрезвевшая, образумившаяся матросская толпа, надеясь заработать себе «индальгенцию», скрутила, измордовала всех пастырей-народовольцев. Выпустив офицеров, притихнув (кто стыдливо, но в основном под страхом), ожидая закономерных наказаний и репрессий.

А чужак-ледокол был уже как на ладони.

Напрасно офицеры пытались разогнать свободных от вахты по кубрикам – матросы, как тараканы, вылезали из всех щелей, только бы поглядеть на чудо-корабль. И галдели, галдели, восхищённо, почти благоговейно, глаза, как быстро (не меньше десяти узлов), совсем без дыма (точно призрак), словно по маслу скользит он по ледяной равнине.

И лишь усилился ропот, когда наконец высмотрели нарисованную в носу пасть, сочтя (большинство), что это «улыбка», всё же для верности осенив себя крестным знаменем.

Читали приветственные флажные знаки, когда «красавец» вышел на траверз к флагману. («Красавец» с лёгкой руки прицепилось исключительно за цвет надстройки. Непривычные формы судна у многих вызвали вопросы.)

Удивлялись:

...что надписи на борту по-русски, катая на языке знакомое слово (как правильно поняли) название судна – «Ямал», кто-то и неумело по слогам «росатомфлот».

...что триколор на грот-мачте, в то время как никакой тряпицы с символами Североамериканских Штатов не наблюдается.

– «Ямал», «Ямал», – повторяли офицеры и нижние чины – слово добежало до трюмов, до «прикованных» к своей вахте кочегаров.

А на верхних палубах продолжали жадно пялиться на детали, когда ледакол мягко встал борт в борт с «Суворовым».

На броненосец по перекинутым сходням сошли люди.

Совещание с командующим длилось больше часа.

* * *

«Ермака» «чужак» вывел играючи, взяв «за усы», выписав полукруг, пройдя вдоль всей колонны, потратив на четыре мили до открытых вод Баренцева моря и обратно чуть больше получаса.

Многие теперь завидовали братушкам с «Ермака»:

– Домой возвращаются, а мы, вестимо, дальше пойдём.

– Не бойсь! Видал, силища какая. Даром что «Я мал». Эх-ха!

Вернувшись, «Ямал» поочерёдно с ювелирной осторож-

ностью обколот каждую боевую и вспомогательную единицу эскадры.

Наконец закачались на воде перегруженные пароходы, заворочались перетяжелённые броненосцы, малыми оборотами винтов отгоняя битый лёд.

А ледокол, став во главе колонны, призывно дал гудок «за мной!», на который воспрявшая эскадра, словно стадо мастодонтов, загнула своими воображаемыми хоботами, топорщась зачехлёнными бивнями орудий.

Двинули.

На восток.

Ещё не хоженным в этом веке Северным путём.

Но наконец-то уверенно.

С верою.

Теперь на каждом корабле и пароходе был человек с ледокола – опытный судоводитель, который не только имел права и особые полномочия, но плотно обучал этой премудрости вахтенных офицеров. Непосредственным опытом.

Ещё в телеграфных рубках установили коротковолновые радиостанции (УКВ, если уж цепляться за точность). Секретные. В отдельных выгородках. А к ним приставили молодых, но толковых офицеров – обучались пользоваться. Так как было условлено и велено (из самого Петербурга), что по приходе эскадры на Тихий океан эти средства связи останутся на кораблях. С выведенной гарнитурой прямо в ходовую

и боевую рубку радиостанции обещали быть чертовски удобными для управления эскадрой в бою.

А операторы этих чудесных радиостанций получили особый приказ, если не дай бог что – секретная аппаратура должна быть уничтожена.

Ещё Рождественский получил возможность непосредственной голосовой связи с Петербургом. Сигнал с коротковолновой радиостанции на флагмане коммутировался и ретранслировался ледоколом.

Зиновий Петрович уже имел несколько неприятный разговор с самодержцем.

И кстати, как оказалось, адмирал не собирался «закладывать» потомков, что они провели диверсию против английского корабля, чем порядком удивил капитана ледокола.

– Почему, – напрямую и по-простому спросил Чертов, – не стоило ли предупредить императора, чтобы дипломатическая служба была готова выставить контраргументы на претензии британцев?

– Будучи в неведении, искренней будет возмущение на «ложные обвинения», предъявленные Англией, – продуманно ответил Зиновий Петрович и неожиданно улыбнулся, став даже симпатичным (в восприятии). – Признаться, поделом им. А то привязался этот «британец» как репей.

Обеспокоенные столицы

Пока «Ермак» тихо чапал в Александровск, везя рапорт Рожественского, радиосвязь опередила бумаги.

Обозлённый на своих болтливых «великих» родственников, Николай II потребовал каких-нибудь обязательных мер по этому поводу.

В кабинетах, подведомственных господину Ширинкину (не без подачи идеи потомками), вызревал план дополнительной дезинформации окопавшихся в Петербурге прикрытых дипломатической неприкосновенностью британских шпионов.

Ждали только приезда Дубасова с докладом Рожественского.

* * *

Особое совещание в Петергофе подходило к концу. То самое, на котором собрались излишне речистые великие князья. И главное уже было сказано – американский ледокол подло (или намеренно) удрал, заведя эскадру Рожественского глубоко в полярные льды, а в воздухе повисло задохнувшееся возмущение великого князя Алексея Александровича.

Совещание ещё будет продолжаться: что предпринять? Как спасти эскадру?

Но какое-то странное настроение будет витать за столом: негодование генерал-адмирала Алексея Александровича, вялое спокойствие вице-адмирала Авелана, равнодушие к флотским делам генерал-адъютанта Николая Николаевича, хмурое непонимание министра Ламсдорфа.

В конце концов, утомившись, император тихо хлопнет ладонью по столу и распустит совещание. Велев самостоятельно, основательно обдумать и завтра (!) принести свои предложения.

А дальше, после того как отшаркают выдвигаемые стулья и зал опустеет, оставив только самодержца и начальника охраны... между ними произойдёт доверительный диалог. Где Ширинкин опишет примерно, как оно будет:

– Сандро... ах, простите, великий князь Александр Михайлович сегодня же вечером похвалится, поделившись новостью со своей новой пассией. Дескать, самодур самодержец опростоволосился.

– Он так говорил? – Свёл брови Николай.

– Нет. Дословно подслушать ни один разговор не удалось, но это явно звучит из контекста. А вот Алексей Александрович, кстати, тот позволяет себе подобные высказывания.

– Я хочу знать, – упрямо и болезненно морща лоб, настаивал император, – Сандро, он точно это делает не намеренно... передаёт секреты английской короне?

– Ваше величество! Мужчины зачастую делятся со своими любимыми женщинами самым сокровенным. Доверяя ли, бравируя... – терпеливо и вкрадчиво молвил Ширинкин. Евгений Никифорович, произнося это, как раз заглядывал в свои бумаги и не видел, как передёрнуло Николая, который примерил эти слова на себя – он-то как раз таки почти во всём откровенен со своей Аликс.

– Далее, говорите, – нервно сглотнул самодержец.

– На следующий же день известная мадемуазель при посещении одного шляпного салона, якобы случайно, пообщается с одной из дам, которая, как выяснилось, оказывает некие услуги британскому послу.

– Не слишком ли сложная комбинация? Не достаточно ли было просто слова капитана «Ермака» и уж тем более подтверждения с английского крейсера? Как там его? «Бервик».

– Если честно, я бы ещё чего-нибудь эдакого выставил, нагромоздив кучу всего, чтобы господа из Лондона окончательно запутались.

* * *

А в Лондоне, после получение диппочты, прозвучали именно эти слова (на другом языке, естественно):

– Джентльмены, мы окончательно запутались. Известно, что американцы, как и мы, многое поставили на Японию. Если кого-то интересуют цифры, я могу предоставить вам сум-

мы займов от «Кун, Леб и компания». А не может быть такого, что пока мы ставим русским палки в колёса по мелочи, американцы провернули целую операцию, защищая свои инвестиции?

Высокими широтами

Наше первобытное лишь таится в генах.

Цепочка кораблей втягивалась, углублялась в географию Карского моря, в срединные просторы Арктики.

Мало кто из экипажей (тем более из нижних чинов) представлял себе масштаб и размах пути, который им предстояло пройти – на карты с действительными расстояниями могли взглянуть только командиры, капитаны и старшие офицеры. Ну и конечно, штурманá, тихо даваясь диву от тонкости подробностей, спрашивали себя: «Где, когда успели такие нарисовать? Кто проводил такую доскональную картографию?»

И мало кто из моряков, несмотря на то что с приходом мощного ледокола вновь появилась уверенность, спокойно взирал на окружающую белую бескрайность.

Тоскливей всех, наверное, было «черноморцам», тем из них, кто плывал только в тёплых морях.

«Балтийцы», те были более-менее привычны, всё-таки зимой кронштадтский рейд замерзал, и ледоколы на Балтике – штатные суда.

Что касается «Ямала» – руководители всех служб и экипаж ледокола работали практически в обычном режиме,

в соответствии и с соблюдением требований безопасности. Единственную сложность «ямаловцы» видели в неопытности конвоируемых экипажей.

Это на совещании, устроенном самодержцем для ушей своих легкомысленных родственников, по легенде было сказано, что эскадра встала под проводку «американским ледоколом» только к вечеру, когда якобы в ночном тумане «американец» и ушёл в неизвестном направлении.

А на самом деле до заката было ещё уйма времени. И с ходу, в первые же часы похода, на этом достаточно лёгком, всего лишь полуметровом и не особо заторошенном льду стали обрабатывать взаимодействие в караване. На разных режимах – «полный ход», «малый», «стоп машина», «реверс». Приноравливаясь к тягучести исполнения и репетования команд на этих бронированных, многотонных... далеко не рысаках. Да и обучали народ из «местных» – вахту себе на замену. Людям когда-то надо же и отдыхать.

Массивная туша атомохода (тридцать метров ширины против двадцати трёх броненосца проекта «Бородино») и без того оставляла за собой основательно широкий канал. При аккуратном следовании точно по оси фарватера сопровождаемые могли не опасаться соприкосновения с кромкой льда.

Иногда из-под кормы ледокола выныривали крупные обломки льда – «Суворов» встречал их форштевнем, раз-

бивая, так как следующие за ним тонкостенные пароходы при неудачном маневрировании могли пропороть скулу или борт.

В целом все корабли и суда были перегружены, просев, опустив дейдвудные части много ниже слоя льда, но всё равно оставалась опасность особо поднырливым куском льдины повредить винты. Несмотря на специальные защитные отводы и кольцевые насадки, что были смонтированы перед отправкой эскадры.

При малейшем подозрении на подобный исход следовало в обязательном порядке стопорить машину, отбивая сигнал о своём манёвре, дабы избежать наката на корму идущих сзади.

Радовало то, что на паровых поршневых машинах допускалась большая гибкость в выборе числа оборотов, и после остановки ход машине можно было давать постепенно, начиная с «самого малого», струей отгоняя обломки, тем самым предохраняя винт от ударов.

Но пока никаких жёстких эксцессов не случалось, да и (на взгляд «ямаловцев») не должно было при таком скоростном режиме и той лёгкости ледяного покрова.

Так что прикомандированные «лёдопроходчики» «гоняли» корабли эскадры просто вхолостую, шлифуя реакцию капитанов и исполняющие действия экипажей.

К вящему неудовольствию Рождественского – эта тренировка съела лишние узлы скорости. Тем более что в тём-

ное время суток ход и без того падал – рисковать не хотели.

Поэтому от Карских ворот до траверза острова Белый, до которого было больше (или всего) пятисот вёрст (если по-сухопутному), – на этот перегон потратили практически четверо суток.

Ближе к острову Белый, вследствие подвижки льда то тут, то там образовывались места открытой воды – разводья. Стали появляться полыньи, где покрытые серо-зелёной рябью, где покачивающиеся густым ледяным крошечком. И те и те были удобной дорогой – каким бы тонким ни был лёд, путь по чистой воде или разреженному льду выгоднее, чем ломиться напролом.

Маршрут стал извилист. Широко лавируя, шли от полыньи к полынье, легко и с треском ломая перемишки между льдинами. Одна из таких перемишек, кстати, оказалась с сюрпризом – толстой «бородой» подводного айсберга. Таковой, что «Ямал» неожиданно тряхнуло. Впрочем, не остановив движения. Только голос судоводителя стал громче, по рации предупреждая коллегу на идущем вслед «Суворове».

Ближе к Белому уже шли совсем ходко – насобачились. Кочегары пары держали на марке, дымили густо. Для арктической живности этих мест (как оказалось, особо непуганной) такое количественное нашествие человека было неожиданным. Шалели крикливые полярные чайки, спешили и не спешили нырнуть в воду ленивые ластоногие. Однажды увидели целое стадо нарвалов («единорогов»), плывущих по

дальнему краю огромной полыни. Редкая, кстати, животина в двадцать первом веке.

Приходили «в гости» белые медведи. Один зверюга, явно считая себя хозяином здешних территорий, до последнего стоял на пути ледокола, задрав морду, раздражённо втягивая носом воздух, убравшись в сторону практически из-под ломающего лёд форштевня.

Ветер был умеренный, температура держалась в пределах «минус пяти», что не мешало матросам императорского флота с любопытством высовываться на палубы, поглазеть на ледокол, да и на интересных, невиданных досель животных.

Не упускали случая проявить интерес и выходцы из будущего.

– Ты гляди, Вадим Валерьевич, какие «единороги»! Давненько не видел столько много и зараз! – не отрываясь от бинокля, воскликнул капитан. – Эх-эхех! Повыбили их в наше время. Это сейчас тут лишь самодийцы-поморы, немного норвеги шастают, ещё реже англичане.

– Ага, англичане прям так и реже, – щерясь, возразил Шпаковский, имея в виду последние стычки с островитянами.

– Я же про звероловов.

– А почему единороги? Где? – С интересом закрутил головой стоящий в компании старлей.

– Не видишь? На, – Чертов протянул бинокль и указал рукой: – Во-о-н они, вдоль края полыньи. У этих морских животных, весом доходящих до полутора тонн, один из зубов вырастает в бивень. Длина до двух-трех метров. Килограммов на десять тянет. Закручивается спиралью. Левой.

– Далековато, – сожалением опустил бинокль Волков и переспросил: – А почему единороги?

– Ещё в пятнадцатом веке прохиндеи-купцы впаривали европейским королям зуб нарвала под видом мифического бивня коня-единорога. За бешеные бабки. Потом, конечно, как сюда повалили мореплаватели, секрет раскрылся. А самим нарвалам эта костяшка (а растёт она только у самцов) нужна лишь для оспаривания самок.

– Вот такой вот хрен моржовый, – улыбаясь, поддакнул начбезопасности.

– Не понял, – потупился старлей, – для оспаривания или спаривания? При чём тут тогда хрен, тем более моржовый?

– У-у-у, тут загадка природы, – веселясь, вздёрнул брови Вадим. – Не-не, ты не подумай! Естественно, морж стоит своей нетривиальностью отдельно. Но это ещё один изыск полярных морей. У него своя судьба.

– Чего?

– Ты, морячок пехотный, кадысь собирался служить в Арктику, – заржал Шпаковский, – хотя бы почитал по ней чего? У моржа, в отличие от нас – хомо, в члене имеется так называемый бакулюм. Кость длиною сантиметров пятьдесят!

Смекаешь, отчего присказка про «хрен моржовый»?

– Чего-то ты больно весел... – буркнул Чертов, уже давно заметив, что хоть его помощник и лейтенант по-своему спелись, но иногда Валерьич откровенно подначивает качка-морпеха.

– Не говори, – Шпаковский аж прослезился от смеха, – точно буду битым.

– Лучше скажи, как они тебе... эти брончемошаны? – перевёл тему капитан – он уже видел, что у Волкова стала вытягиваться челюсть. А это признак, что лей начинает заводиться.

Последний раз такая пикировка между этими двумя закончилась... боксом. С обоюдного согласия и под овации всех уместившихся в спортзале. Победила молодость, хотя и жилистый пенсионер-Валерьич был неплох. Произошло это аккурат после отъезда царя-батюшки – пожелтел, позабылся фингал под глазом у Шпаковского, как, видимо, и преподанный урок.

– Так как тебе «Суворов»? – переспросил Андрей Анатольевич.

На боевые корабли и суда уже понасмотрелись. Вблизи, когда поочерёдно обкалывали вмёрзшую эскадру: на однотипных, но немного не одинаковых «бородинцев», на по-своему изящных с клиперными носами «черноморцев», на высокие борта «Осляби».

И в фас и в профиль, и с тылу... уж прости господи, сказать бы по-морячески, по-флотски – с кормы.

Но это так – первое впечатление... с широко открытыми глазами. Как будто утолить первую жажду. А всё равно – интересно же!..

И не наевшись глазами, этими бронированными реликтами, подбитыми изморозью, словно сединой, нет-нет да и выхаживали на ют или мостики шкафута. С биноклями и так.

А потом уже смаковали... обсуждали меж собой изыски кораблестроения и детали, «заглянув в чёрные жерла орудий главного калибра», как сказанул кто-то с подвешенным языком для красного словца.

Зачехлены они были. Орудия. Плотно.

Как, кстати, и обтянутая водонепроницаемой, а главное не дубеющей на морозе тканью винтокрылая машина на корме «Ямала».

Пока тянулись «по ниточке», вслед-вслед, «Суворов» за кормой практически перекрывал обзор, являя свой широкий «лоб». Потом пошли извилисто и стали открываться боковые проекции.

– А тебе как... этот монструозик? – спросил кэп теперь у морпеха – помощник так и не ответил. Молчал. Видно, слов ещё не подобрал.

– Что-то в нём есть... – почему-то тоже закосноязычил лейтенант. – Военная техника всегда имеет свою особенную привлекательность. Она... красивая!

– Понятие «красивая техника» субъективно, – наконец родил задумчивый Шпаковский. – Это то же самое, что твоя физиономия, которая примелькалась для тебя каждодневным смотрением в зеркало. Ты ж к ней привык, ты себе нравишься (если не с бодуна поутру). Заполни мир автокракозябрами – люди привыкнут к поначалу нелепым линиям и обводам. И станут находить в них изыск и изящество. Это будет называться модой. По мне, так броненосцы эти... уютюги они и есть уютюги.

– Интересно, – с наивностью в голосе спросил Волков, – а нас... «Ямал», в смысле, как он им видится?

– Мы однозначно судно покрупнее, но из-за окраски, по отсутствию вооружения... думаю, что как игрушка, – предположил кэп. – Гладкая (ни тебе грубых заклёпок), яркая, броская. Пусть и большая.

– Ага, «игрушка», – усмехнулся начбезопасности, – если бы не надстройка наша – что та домина с окошками.

* * *

А уже перевалив траверз острова Белый и оставив его за правой раковиной концевого «Осляби», обнаружили, что ледяной массив совсем уже дробился и фрагментировался отдельными полями.

А ещё дальше, где пресные воды Енисейского залива разбавили солёное Карское море, образовалось обширное про-

странство (даже полыньёй не назовёшь), чистое ото льда, цвета свинца и индиго с белыми вкраплениями айсбергов.

На случай встречи с этими бродягами в тёмное время суток на ледоколе имелась парочка РЛС и автоматизированный индикатор предупреждения столкновения.

А взмывший вперёд беспилотник...

Стоит заметить, что всякий раз запуская летающую машинку, с ледокола оповещали по радио, предупреждая. И командиры (старшие вахты) императорского флота загоняли всех лишних внутрь кораблей, дабы не видели того, чего им не положено видеть.

В общем-то, сомнительная попытка обеспечить секретность, учитывая уже упомянутые тараканьи повадки матросиков эскадры. Но да ладно...

Возвращался беспилотник, уже опускаясь на парашюте.

Как правило, его подбирали, снаряжая за ним снегоход с двумя седоками.

Ребят отправляли хорошо вооружёнными, после того как однажды пришлось отгонять от хрупкой крылатой техники медведя – любопытный «миша» долго обнюхивал интересную штуковину, прежде чем потрогать лапой, повредив при этом крыло. И улепётывал недотёпа, получив в соседний сугроб фыркающий фонтан огня и дыма из ракетницы.

Ну, так вот, взмывший вперёд беспилотник показал вообще прекрасную картину, насколько хватило дальности его

полёта и «глазастости» его поискового комплекса «Взор».

Опыт старого полярника говорил Чертову (и с ним соглашались старожилы из экипажа), что до самого пролива Вилькицкого, соединяющего Карское море с морем Лаптевых, скорей всего сплошного льда не будет. Совсем без сложностей, естественно, не обойдётся, но обстановка радовала и обнадеживала пройти этот участок довольно быстро.

Зиновий Петрович, в свою очередь, узрев чистое море до самого горизонта, воспрял из состояния «придушенного льдами покладистого душки», опять почувствовав себя уверенным и независимым начальником и даже пожелав устроить «развлечения» в виде маневрирования броненосцев.

Однако кто-то (как бы не Коломейцев) всё же вразумил сурового флотоводца, напомнив поглядеть на карту, где было видно, что это едва ли половина пути. И не самая сложная его часть. И тренировки на данном этапе нужны другие.

Так что караван по-прежнему подчинялся командам с мостика ледокола.

* * *

Курсовая линия так и продолжала немного петлять. Шли, опустившись чуть к югу, к приматериковым водам, рассчитывая избежать частых встреч с айсбергами и крупными дрейфующими льдинами. Их, отрывая от папочки-массива,

гнал ветер и течения. Вела за собой приливными волнами лупоглазая луна, прикасаясь своей физикой к соседке-планете.

Днём их величавая хрустальная красота находила своих многочисленных поклонников, а вот ночью эти плавающие глыбы могли доставить неприятности. И на мостике ледокола звучала команда взять ещё на два румба к «зюйду», огибая этих лишенцев, проходя совсем рядом, всего в пятидесяти километрах от размытых в дымке берегов Таймыра и острова Диксон.

Близость материка ощущалась, проявлялась наглядно. Уже на рассвете, двигаясь в створ между скалами Свердрупа и Каменными островами, наблюдали местных – коренных... звероловов-рыболовов на лодках – колданках, выдолбленных из цельного куска дерева... среди мелькающей белыми спинами стаи белух.

Самоеды так и стояли (бинокль хорошо приблизил детали), опустив гарпуны, обронив сети, открыв рты, глядя на такое количество невиданных кораблей, которых в другой жизни вряд ли бы увидели.

Эскадре до очередной ключевой точки – пролива Вилькицкого – предстояло пройти ещё пятьсот миль.

* * *

Ночью Чертова выдернули с койки.

– Товарищ капитан!

(Бойцы Волкова так его и называли.)

– Товарищ капитан!

К голосу служивого и стуку в дверь примешивался звук вызова по общесудовой связи.

– Ща! Уже встаю.

Оказывается, сработала «сигналка» у армейского контейнера. По-тихому к месту стянули охрану, но «по-тихому» не получилось – злоумышленник умело притаился, пришлось подымать морпехов, устраивая оцепление и облаву. Но один чёрт, безуспешно.

И начался аврал... с беготнёй-топотнёй по трапам. Однако этот проныра ускользнул.

Капитан (злой) появился минут через тридцать после срабатывания импровизированной сигнализации, к самой задаче звездюлей, которые и отсыпал щедро, шипя на старлея:

– Как так «ушёл»? Завтра же с утра гонять своих по трапам и ярусам как сидоровых коз. А потом ночью! Чтоб во всех закоулках судна, как в пуговицах собственной ширилки, ориентировались!

Ходил, дымя сигаретой, даже не пытаясь осмотреть место

происшествия. Затем, покрутив головой, оглядывая палубу в притушенном свете огней, спросил:

– А где начальник безопасности?

Тут выяснилось, что Шпаковского нигде найти не могут.

– Он был со мной, – недоумённо оправдывался Волков, – потом когда закрутилось и стали обшаривать все закутки, я его потерял из виду.

Началась новая суматоха – искали начбезопасности. Капитан приказал провести переключку.

– Только тревогу не поднимайте. А то на «Суворове» сдурю палить по бедным тюленям начнут. Всё! Ищите!

Сам Чертóв решил проверить каюту помощника, хоть и говорили, что на вызов оттуда ответа так и не было. Но почему-то пошёл. Хрен его знает – чуйка.

А «Ямал» тем временем уверенно вел вереницу кораблей, мощно вырубая прожекторами в ночи световой коридор. Ходовая вахта неслась исправно и как положено. Если РЛС фиксировала засветку на курсовых углах, принимали на румб вправо или влево, чтобы обойти дрейфующее препятствие.

Подойдя к каюте помощника, подёргал ручку – заперта.

– Вадим, ты там?

Молчание, но прислонив голову к двери – «что-то есть»! Хотел достать свой «универсальный», но ещё раз спросил:

– Валерьич? Ты? Открой.

И на всякий случай – чуть в сторону. Мало ли...

За дверью что-то звякнуло, грюкнуло. Клацнул замок, впуская.

Зашёл – в нос сразу шибануло спиртным.

Шпаковский сидел за столом и... выглядел страшно. Не из-за разбитой скулы и длинной запёкшейся царапины на лбу. Его словно вывернуло наизнанку. Глаза дикие и пустые.

– У-у-у-у! Водочка, – попытался смягчить Чертóв, увидев на столе пустую бутылку, – а повод?

– Портосу повод не нужен, – скривился помощник. Со-
всем не пьяный.

– Ой ли? – сказал, понимая, что просто так за час (а то и меньше) полулитру не высосешь. И стал потихоньку догадываться, что всё дело в недавней заварушке. Тем более эти отметины на его лице...

Присел рядом, ничего не говоря, ожидая, что тот сам всё расскажет.

Шпаковский засипел чуть погодя. А откашлявшись, заговорил пусть дёргано и рвано, но понятно. Лишь иногда прерываясь сглотнуть комок, ставший в горле:

– Ребята Волкова обложили нарушителя с толком, как надо, но всех лазеек не знают. А я сразу просёк – куда он рванул. И за ним. Хотел предупредить, да рукой мац, мац, а рации нету, мля. Сам побежал. Уйдёт ведь. Успевал – спи-

ну его разглядел. Он грохочет башмаками, я грохочу вслед. Но ему затаиться – делов-то... По топоту вычислил, что я один, и как налетит на меня из-за бочек. С ног сбил, двинул ещё, видимо... бок болит. Я извернулся, откатился, вскочил. Только и успел чуть присесть, отпрянуть – блеснуло, по лбу чиркнуло. Как я его отпихнул – не помню. Он отступил и снова на меня. Думаю: «Ну всё! Швах!» У него нож, у меня ни фиги. Если бы он не оскользнулся...

Шпаковский опустил голову и на мгновение прервался – тягучий комок изжоги провалился обратно, двигая кадык... Затем продолжил:

– А потом я бил, бил... по голове. Топтал, топтал, пока его голова... бля-я... глянул и не поверил, что череп можно так сплющить. Не знаю, что на меня нашло. Осатанел за бельмом ярости.

– Когда у тебя пытаются отобрать жизнь, отвечаешь тем же. И более. Потому что есть оправдание, – пожалел, понимая капитан.

– А он шёл на меня именно прикончить. Там всё – в глазах в полумраке, как в прицелах. И нож он держал, прижав к бедру, как профи.

– Урка, – вспомнил Чертов. Накануне, после попытки взлома контейнера, он просматривал досье экипажа и наткнулся на одного типа. Был у того один пунктик...

– Урка, – повторил капитан, – брат у него сидел. Только это он и есть тот брат. Он по его документам прошёл.

Шпаковский отстранённо кивнул, словно это уже не имело значения:

– Знаешь, я же себя всё крутым мужиком считал. А чтоб вот так своими руками... ногами убить...

– Где он?

Помощник почти уронил руку, показывая вниз.

– В трюме?

Тот отрицательно покачал головой:

– На дне. У леера всё было. Там наледь... так и скользило, – скривился, как отпрянул. – Всё это... Надо бы пойти, посмотреть. Там кровь наверняка осталась. Хорошо хоть, что у нас всё покрашено цветом таким. Сразу и не заметишь. А там смоем и...

– Э-э-э, нет, брат. Завтра собирать экипаж, свободных от вахты. Надо народ вразумить и объяснить. Если у нас тут такие типажи попадают... А ты давай спать. Чтоб завтра цепным псом выглядел. Чтоб прониклись, что будет с дураками и иудами.

Санкт-Петербург

Изменяться это хорошо. Но, даже перестав изменяться, это тоже – измениться.

Пресса. Наверное, больше всего бесновалась пресса. Потому что это было то, что выступало открыто и публично. Остальные – исподволь.

В арктической авантюре обвиняли Морской штаб, Морское министерство с высшими начальниками, обзывая адмиралов «самотопами» и как там ещё было можно не стесняясь. Однако, не тыкая пальцем конкретно в «царя-батюшку» (по-баивались), но в контексте это угадывалось так явно, что, читая очередную статью-опус, император приходил в состояние глубокого и беспомощного расстройтва.

– Даже зная, что наши якобы промахи всего лишь фальсификация, дабы запутать противника, – говорил он Ширинкину, – я не ожидал, что будет так неприятно выглядеть полным... извините, идиотом.

И уже раздражённо бросив пачку газет на столик, самодержец не сдержался:

– А некоторые из этих писак порой переходят все границы! Цитирую: «безволие, доверчивость, глупость...» – и это с явным намёком на мою персону!

– Этих мы взяли на заметку, – без тени угодливости заверил начальник безопасности.

– Я каждодневно чувствую глумливые взгляды и шепотки за спиной среди чиновников, военных и...

– Эти тоже на учёте...

– ...и иностранных дипломатов.

– Этим сам бог велел над нами покуражиться. Единственное, что бы я вам сейчас посоветовал, проявить терпение и-и-и... не меняться.

– Что-о-о?!

– Постарайтесь соответствовать тому, что о вас написали эти газетные похабщики. Противник тоже должен видеть, что вы совершенно растеряны и не контролируете ситуацию. Зато... Зато когда Рождественский объявится в Тихом океане, представляете, какими жалкими дураками окажутся эти хитрые крысы-атташе и прочие злопыхатели! Ваш же авторитет, наоборот – поднимется. Сейчас о вас в народе анекдоты да частушки складывают...

– Расскажите?

– Чуть погодя, – замаялся Ширинкин, понимая, что зря напомнил. И отведя взгляд, быстро соображал, как бы увильнуть от озвучивания непотребства про царя – того это только ещё больше расстроит: – Народ, он прямодушен и бесхитростен. Ныне хаает, а едва узнает, как вы лихо всех объегорили, горы за вас свернут.

Немного успокоившись, Романов вернулся к морской те-

ме:

– Только бы Зиновий Петрович там, на Тихом, не оплошал. Так или иначе, Небогатов докладывал, что через неделю, максимум две, готов выйти в море.

– Я не очень силён в делах флота, – чуть склонил голову Евгений Никифорович, – но решение не посылать в поход всякий тихоходный и устаревший балласт – верное.

Лучше несколько крепких бойцов, собранных в кулак, нежели разрозненная и неуправляемая толпа... инвалидов.

Государь закивал головой:

– Да, да. Будем надеяться на лучший исход. Но даже если Рождественскому и Витгефту (помоги ему Бог выстоять в Артуре и прорваться на соединение), – самодержец перекрестился, – удастся хорошенечко потрепать Тóго, пусть и понеся некоторые потери, отряд Небогатова подоспеет свежей силой возмездия.

Ширинкин не стал комментировать, в такте и сдержанности понимая, что ход войны на Дальнем Востоке отражается на делах всей державы. Однако все эти генералы, заведшие кампанию в тупик, а тем более адмиралы с их истинно флотской кастовостью, у него ничего кроме неприятия и отторжения не вызывали.

Он не знал, благодаренье ли это Господне, что им на голову свалились (буквально) потомки, или кара очередная небесная (на данный момент с этими «арктическими играми» только подгоняющая события к революционному мо-

менту), но...

«Но как удобно и удачно можно предвосхищать события, зная фамилии, методы и основные планы этих разрушителей империи. Хотя...» – Евгений Никифорович вспомнил, как, выложив перед шефом корпуса жандармов имеющиеся эксклюзивные факты, увидел, что не особо-то и удивил. Тот лишь всхрапнул, как конь, приняв всё к сведению. А попросту уверился в своих полномочиях, получив своеобразный карт-бланш действовать как ему вольно. В интересах государства и самодержавия, естественно.

Словно прочитав его мысли, царь неожиданно выстрелил наболевшим вопросом:

– Ваше мнение, почему потомки, по сути, покрывают многих революционных деятелей?

– За заслуги, как я понял. Они высыпали на нас ворох данных по откровенным негодьям, бездарностям и убийцам. Но тот же Джугашвили...

– Господи! Да что ж с этим грузином? Чего все так с ним носятся?

– На данном этапе, – Ширинкин подчеркнул: – Этапе! Этот ещё весьма молодой человек всего лишь бандит. Но в нём есть потенциал. И насколько я понял, имперский потенциал. При определённых задатках, стратегическом уме и скорости решений.

– Оставьте! – почти ревностно крикнул монарх и насупился.

«Как ребёнок, право, – мелькнуло в голове у Евгения Никифоровича, – его давит мысль, что какой-то выпускник семинарии может быть лучше... Эх, Николай Александрович».

Ширинкин, терзаясь сомнениями, загнал свои крамольные мысли как можно глубже. Впрочем, нынешний, прибывший с северов (тут к месту подвернулся оборот пришельцев) государь ему нравился больше, чем прежний.

– Хорошо, – чему-то для себя соглашаясь, нахмурился император, – а гости из будущего? Которые тут у нас в Петербурге. Как они себя ведут?

– Военный... он у нас и проходит под обозначением «морпех», целенаправленно и, кстати, успешно создаёт штурмовое подразделение. Такое впечатление, что ничто иное его и не интересует. Немного занимается экипировкой и вооружением. Встречался с неким Фёдоровым, который практикует с разработкой стрелкового оружия. Господин Гладков больше специализируется на заводах и лабораториях, внедряя новые технические изобретательства.

– Не замечены ли в каких-либо подрывных либо неподобающих разговорах, высказываниях?

– Нет. Но господин Гладков...

– Смелее.

– Посещая завод Лесснера...

– Немец, – скривился Николай, но вспомнил специфику завода. – Автомобили.

– ...и в разговоре с этим самым Лесснером критически отзывался о нашей (российской) системе управления государством. Бюрократии чиновников...

– И что немец?

– Я передаю сказанное господином Gladkovым с его слов.

– Вот как? Интересно. Странная логика у немца. Я так понимаю, Gladkov пришёл к нему с перспективными проектами...

– Тут я снова вторгаюсь в сферу, в коей не очень силён, но, по-моему, всё дело именно в этом – в каких-то технических проектах.

– Поясните.

– Насколько я знаю, сами потомки и господин Gladkov говорили об осторожности с выкладыванием технических новинок на рынок. Объясняя это тем, что более развитые промышленности европейских стран быстро обойдут Россию с их внедрением. С Лесснером... у меня сложилось впечатление, что он что-то там узрел такое, что, почувствовав большие деньги... – Ширинкин устало потёр висок, – вероятно, решил вести свою кампанию.

Император с минуту сидел за столом, задумчиво играя зажигалкой – подарком из будущего.

Он помнил все аргументы о технической отсталости России. Признаться, поначалу впопыхах подумал, что эти разговоры велись потомками сугубо в меркантильных интересах, в желании набить себе цену и иметь возможность контроля.

Вскоре своё мнение пришлось изменить, ознакомившись с фактами и показанным для пример элементарным технологическим процессом производства тех же газовых зажигалок. Было ужасно обидно, уж очень хотелось совершить рывок вперёд, обогнав западных конкурентов. Пришлось согласиться, не делать резких движений в плане открытий-нововведений-патентов, особенно в том, что может быть использовано в военной сфере. А постепенно налаживать научно-производственную базу. Единственно, в чём решили показать приоритет России, – это медицина.

Наигравшись с зажигалкой, Николай сделал себе пометочку: «обязательно выяснить (дать задание), чем там так заинтересовался Лесснер», и спросил ещё об одном госте из будущего. Точнее гостье, которую старался избегать, хоть та, занимаясь медицинским уходом за наследником, была всегда в шаговой доступности. Виной этого намеренного игнорирования была «дражайшая Аликс», что-то там заподозрившая и вообще в последнее время ревностно и с подозрением взиравшая на любое внимание супруга к противоположному полу.

– А эту дамочку, э-э-э... Наталью Владимировну...

– О! Она далеко пойдёт. Манерам подучится и...

– Может, женить, э-э-э... выдать замуж её?

А дни капали, набегали струйкой ожидания, отмеряя седмицу... вторую.

Для спасения «застрявшей во льдах эскадры Рождественского» делалось всё, что надобно и... не делалось ничего!

По большому счёту организация спасательной экспедиции под шумок являлась дополнением к планированию и основанию на севере в Кольской губе военной базы. И секретного объекта, о котором вообще знали единицы.

Так что ничего впустую сделано не было. Пригодится всё!

Доверенным людям было дано указание всячески оттягивать предпринимаемые меры, в частности задержать отправку судов на разведку к Карским воротам.

А кому-то и приказывать ничего не надо было – чиновничья бюрократическая медлительность съедала всю оперативность.

В том же случае совершенно не понадобилось намеренно препятствовать совершению сделок по покупке ледоколов в Великобритании и Североамериканских Соединённых Штатах. Достаточно было дать чёткое ограничение по цене покупки.

И если со стороны Форин-офиса и было какое-то желание оттянуть продажу ледоходных судов, чтобы с концом хоть какого-то подобия навигации (впереди была зима) русские

уж наверняка «заморозили» свои корабли, то десяток посредников, специализирующихся на сделках по перепродаже судов, буквально оббивали пороги российских посольств.

Не меньше комиссионеров разных национальностей появилось в Петербурге.

Ширинкин докладывал, что некоторые из них действуют под покровительством великих князей – всё тех же Алексея Александровича и Александра Михайловича, прибавив к компании Кирилла Владимировича.

Однако Николай категорически отказался покупать что-либо втридорога.

* * *

Радиоотчёты с далёкого Севера в Петербурге теперь получали регулярно, и это хоть как-то нивелировало тот пресс порицания, что шёл со стороны общественности.

Неожиданно откуда-то просочилась информация о революционном бунте на «Ослябе».

Ширинкин как мог провёл следствие, подозревая всех и вся, кто хоть близко был знаком с истинным положением дел.

Считая, что известие могло просочиться только через приёмо-передающее устройство, находящееся под тщательной охраной в одной из комнат Петергофа, допросил в том числе и «гостей».

Но вскоре удалось установить, кто действительно баламутит воду! Оказалось всё прозаичней...

Вырвано из ретроспективы

– Сэр, мне бы следовало извиниться за своих людей, но это действительно оказалось неожиданным! Как вам известно, телеграфная рубка крейсера «Бервик» регулярно перехватывала переговоры телеграфистов эскадры Рождественского. Сообщения, естественно, были кодированными и не поддавались дешифровке. А вот это (на стол лёг текст перевода), оказывается, шло открытым текстом, что только сейчас удалось случайно обнаружить. Суть в том, что на одном из броненосцев команда подняла революционный мятеж.

* * *

И российскую общественность заколыхало. Революционные ячейки, поймав струю, активизировались. Горело крестьянскими бунтами по губерниям, митинговало рабочими стачками (в основном в столице).

Хуже то, что стали роптать в строевых частях, а морячки так и вовсе искренне считали, что «братушек бросили там замерзать».

И категорически ничего не понимали флотские офицеры, в том числе и высшие: «Почему до сих пор не отправлены ледоколы на выручку?»

Это ломало графики выхода отряда Небогатова.

А император, принимая плановый отчёт шефа жандармерии...

Генерал-майор свиты Его Величества командующий Отдельным корпусом жандармов К. Н. Рыдзевский на докладе перед государём был сух и лаконичен: там подавили... сям разогнали... кого выявили... арестовали... за кем плотная слежка... кто под контролем агентов «охранки»... где на данный момент самые одиозные фигуры, в том числе и скрывающиеся (в открытую) за границей.

И рекомендовал: ужесточить... усилить... ввести... урезонить...

Хмурился государь, казалось, снова уходя в свои мысли, как будто пропуская мимо ушей, витая в своих самодержавных облаках, не реагируя.

А хотя надо бы было.

Революция выглядывала из-за угла, облизываясь в предвкушении вкусить, насытиться... кроваво. Граждане-народ едва ли не открыто, за столом, на площадях шептались, выкрикивая исподтишка: «Царь дурак! Даром, что кровавый сатрап и плач» – всё как в агитках народовольцев.

Остаётся дело за малым – проиграть в войне.

Карское море

И по старым следам...

Я полцарства отдам...

До пролива Вилькицкого прошли рекордно быстро, разомкнув интервалы, что позволяло держать приличный ход (следовало наверстать вынужденное стояние у Карских ворот).

Ночью, что ледокол, что броненосцы, что «черноморцы» освещались по максимуму, так что даже концевой «Ослябя» в редком молоке тумана видел огни мощных прожекторов головного «Ямала».

Попадающиеся айсберги, заблаговременно упреждая по подсказке РЛС, обходили по большой дуге. Эти ледяные кочевники могли «разбросать» вокруг себя кучу отколовшихся кусков, от мелюзги до весьма приличных. Налетев на которые, тот же любой из «черноморцев» на 10–12–15 узлах мог покалечиться, пропоров обшивку.

Накануне на ледоколе прошло тяжёлое собрание, вместившее практически всех попутанцев (кроме вахты) в конференц-зале.

«Тяжёлое», так для себя однозначно определил капитан.

Из-за мрачных лиц и немногословности экипажа. Многие уже были в курсе произошедшего. Возможно, не совсем имея полную картину, как именно «отыграл» финальную часть в этой драме Шпаковский, но в воздухе витало... даже не слово, а сочетание – «первая смерть». И из-за спины этого неоднозначного... «первая» выглядывал пугающий намёк, что «не последняя». Люди перешёптывались, бросали тревожные взгляды. От бывшего задорного оптимизма не осталось и следа. Жизнь подала себя уроком, как всегда лупя почти наотмашь, возюкая носом в самом вонючем.

Да что там почти.

Не удивительно было, если бы грешные мыслишки посещали едва ли не каждого. И не из-за того, что в каждом сидит «сука». Так просто предзаложено в человеке – выбор!

Ещё любители Библии толковали, дескать, человеку Богом дано право выбирать – «как». Как поступить. И компьютер-мозг индивидуума зачастую неосознанно просматривает все варианты, хотя бы просто для того, чтобы тут же отбросить исключительно неприемлемые, прикрываясь избитым «да мне подобного даже в голову бы не пришло!». Вот только где-то там (в подкорке) оставался, прятался осадочек. Скребря, дёргая ниточки нервов, примеривая на себя: «А вдруг?!»

Кэп говорил. Резко. Хлёстко. Аргументированно. Проникновенно. Пробирая до косточек.

И придумывать ничего не надо было. Рассказал всё как

есть, о подмене документов с уголовным следом. О найденных в каюте припасах и бумагах с технической документацией – однозначно тип готовился «делать ноги». О попытке взлома армейского контейнера, опустив, может, уж совсем одиозные подробности. Однако свирепый видок Шпаковского – в порезах, ссадинах, в том числе на костяшках пальцев, что нервно сжимал-разжимал, говорил сам за себя.

Капитан понимал, что человеку от коллективного состояния круговой поруки до «спасайся сам» недалеко – один толчок – и начнут разбиваться на группы. Увидят, что «вот оно – уплывает из рук» – кинутся в крайности. Обособятся. А при совсем гадком раскладе расползутся, как крысы.

И от таких мыслей Чертóв иногда не сдерживался и на эмоциях начинал перескакивать с одного на другое:

– ...или кто-то думает, что мы сразу кинемся зарабатывать на патентах, например, *p-n*-транзистора и-и-и... Да чёрт там знает ещё чего «и»? Что тут же возьмётся противником (далеко не потенциальным) с патентом или без и немедленно используется в военной сфере? Тогда как аграрная Россия будет только лапу сосать? А вот хрена! Всё, что «двойного назначения», будет скрыто до срока. И «военное» будет далеко не массовым – будет исключительно за «колючкой», для обеспечения собственной безопасности в том числе! И наверняка поначалу эксклюзивно, почти штучно, при технологиях нынешнего века. Бабло мы станем качать с мелюзги, типа дисковых тормозов, синхронизаторов в короб-

ках и, бляха-муха, прикуривателей в авто. И то я загнул. ... И не надо кривиться. Заработать на этом будет проще и не меньше, чем на эхолоте, который, естественно, сразу поставят на вражеские корабли. И вот тут...

И вот тут, друзья мои, появляется крыса! Которая хотела лишить нас не только копейки! А по сути, подвергнуть нас риску быть загнанными в угол и размазанными тут же набежавшими по нашу душу эскадрами бриттов, франков, немцев... А то и свои расейские замочат, чтоб никому не досталось. Не доверяю я особо царю. И тем, кто... мало ли кто там будет, если история пойдет, как шла («временное», эсеры, большевики), и подавно. В их вполне оправданной логике нас всех прибрать к рукам с потрохами. А уж одиночку-двоих распяты и вытряхивать наизнанку, мордуя, и того легче!

Про «двоих» было сказано неспроста – народ уже косился на машиниста трюмной команды, с которым злоумышленник чаще всех общался. А тот сидел сам не свой (с ним уже поговорили «по душам»).

* * *

На перегон потратили чуть больше суток. Тридцать часов. Уже на подходе к проливу Вилькицкого двигались осторожней. Справа на горизонте показалась приземистая серость полуострова Таймыр, слева нависало суровое величие архипелага Северная Земля, а вот впереди холодным без-

молвием надвигался лёд.

А попозжá воздушная разведка предоставила совсем уж неприятную картину – пролив был забит торосами, наверняка севшими на грунт мелководья. Складывалось такое впечатление, что накануне был сильный штормовой ветер, гнавший ледяные поля, которые напоззали друг на друга, создав непроходимую «пробку».

– Наломало дров, – штурман уже елозил взглядом по карте, выискивая другой маршрут, – пройти этим проливом нам дорого станет.

– Что предлагаешь? – спокойно спросил Чертóв.

– Нормальные герои всегда идут в обход, – безо всякого юмора продекламировал помощник. И пояснил: – В обход архипелага.

– Так далеко на норд, – покачал головой капитан, – там вероятней пак.

– Но без торосов, – стоял на своём штурман, – ко всему прочему, высокоширотный маршрут сокращает километраж до Берингова пролива почти на треть.

– Шли бы мы одни. А с таким хвостом... Предлагаю обследовать ближайший пролив между островами. Вертолётom.

В течение следующего получаса Чертóв, переговорив лично с Зиновием, объяснил ситуацию и необходимость провести основательную разведку большим летательным аппара-

том, показывать который было нежелательно. Для чего ледокол уйдёт за пределы видимости.

* * *

В этот раз Рожественский предусмотрительно приказал донести до всех экипажей («чтобы самое распоследнее трюмное дурачье знало»), что ледокол всего лишь отправился отыскать более удобный путь во льдах.

– Часа два-три у нас есть. Вполне возможно, что и более, – отметил для себя время командующий и почти рекомендательно бросил командиру корабля: – Можно провести малую перегрузку угля на броненосцы. Чтоб занять матросню делом. Чтоб вся эта сволочь дурью меньше маялась!

Зиновий Петрович спешил вернуться к себе в каюту.

Вместе с радиостанциями и лазерными армейскими дальномерами (этих – по штуке на каждый броненосец) адмирал получил личный подарок от потомков – специально для него подобранные материалы. Целую кипу бумаг с распечатанными фотографиями, схемами – все, что отыскивали на ледоколе по морской тактике, разборе эскадренных сражений Русско-японской и двух последних мировых войн. После поверхностного ознакомления с которыми, просмотрев первые листы, скептицизм Рожественского быстро улетучился. А последние сутки он и вовсе практически не появлялся на мостике, запираясь у себя.

В этот раз вслед за адмиралом в стойкую, не выветрившуюся накуренность вошёл капитан 2-го ранга Коломейцев – ныне один из флагманских офицеров при штабе на эскадре.

– Взгляните... – указал хозяин кабинета на стол, где на россыпь листов с узнаваемым печатным шрифтом потомков навалились большие лоскуты ватмана.

На них Рожественский начертил какие-то эскадренные движения, со стрелками курсов, пунктирами перестроений, линиями артиллерийского огня и эллипсами накрытий.

– Значение вот этих документов для разработки тактики морского боя даже не берусь оценить. Я тут поэкспериментировал немного. И знаете... – заговорил, зачастил Зиновий Петрович с воодушевлением, – скоро линейный бой устареет! И даже кроссинг-Т. Однако не в нашем случае, конечно. На этот самый кроссинг Того всегда можно применить контр-кроссинг. А ещё возможен не только обхват головы колонны противника, но и удар по концевым, с хвоста. Управляя отрядом из трёх достаточно быстроходных броненосцев... С имеющейся на наш случай идеальной связью... Применяя дальномеры, которые нам предоставили потомки, способные в два счёта не только выдавать дистанцию, но и вычислять изменение скорости хода кораблей противника... Можно не то чтобы совсем уйти от принципа линейного боя, а гибко маневрировать, меняя необстрелянные борта, выбирая выгодные позиции. Я не могу пока проверить

заверения Николая Ивановича⁴, что он изрядно попрактиковал экипажи и офицеров вверенных мне кораблей на манёвр и эволюции. Нет, к сожалению, времени и на «пострелять». Но я надеюсь, ещё будет возможность.

Коломейцев кивал, показывая полный интерес, в чём был совершенно искренен, хотя, признаться, не все понимал. Догадываясь, что Зиновию Петровичу просто надо с кем-то поделиться, а он тут единственный, кто из офицеров эскадры имел нужный уровень доступа к секретам.

Скосив взгляд, Николай Николаевич углядел сиротливую стопочку листов, скреплённую в уголке тонкой проволокой, где в заглавии всё тем же без «ятей» было отпечатано: «Анализ повреждений, приведших к потоплениям ЭБР от артогна».

А ниже первым подпунктом шёл «Суворов».

И поразился этим «потоплениям» (не «потоплению»), догадываясь, что такое «ЭБР» – извращённая аббревиатура «эскадренный броненосец»!

«Святые угодники! Это ж чего я ещё не знаю? Это что же – утопнет “Суворов”... и не только? Там? – Понимая, где это “там”. – А что Рожественский? Судя по нетронутости именно этой стопочки – с ней-то он ознакомился?»

– А взгляните-ка сюда, – продвигал между тем далее адмирал, – качество фотографий на удивление – не очень, против обыкновения того, что предоставляли потомки. Смею

⁴ Имеется в виду адмирал Небогатов.

предположить, что это просто графика, но как нельзя лучше передаёт реальную картину наблюдаемых на горизонте кораблей.

Коломейцев один за другим просмотрел чёрно-белые изображения – словно зебры в полоску замысловато изломанную углами разрисованные борта и надстройки кораблей.

– Это маскировка из ближайшего будущего, – Рождественский говорил таким тоном, будто бы это его личные художества. – Забавно, не правда ли? Вблизи, может, немного аляповато, но издалека уверяют, этот «ослепляющий, деформирующий камуфляж», как он тут называется, будет искажать представление о корабле в целом. А также дистанции до него. Особенно примечательны пририсованные буруны на форштевнях, что визуально добавляет кораблю скорость. Более светлые оконечности (носовая и кормовая) – хитрость немного сомнительная, пригодная лишь для определённого времени суток и светимости дня. Тем не менее...

– Вы хотите перекрасить броненосцы сейчас? – Всё ещё обескураженный Коломейцев и не заметил, что перебил адмирала. – Но простите, сейчас это будет весьма затруднительно – влажность, обледенение...

– Да будет вам, конечно, не сейчас, – благосклонно заверил Рождественский. Однако неожиданно показал, что это добродушие держится на тонких равновесиях.

Взгляд его упал на заглавие «Анализ повреждений...», пе-

реход к дурному настроению был почти неуловим, но с каждым чеканным словом только распалялся:

– Не след командам расхолаживаться! Всё едино надлежит подготовить под маскировочную раскраску. Все три броненосца. Это приказ. Вот, возьмите общие контуры «бородинцев» и «Осляби». Я тут примерно кое-что набросал, пусть и грубовато. Подкорректируете. И быть готовым к выполнению покраски в первое же удобное время. Что же касательно обучения пользованию лазерными дальномерами и радиостанциями... Чтобы не полетела с нас ключьями немытая шерсть, требую от господ судовых командиров изучения в кратчайший срок в том числе и семафорного разговора⁵. И про наши беспроволочные телеграфы не забывать – проводить тренировки. Совершенствоваться. Так как в бою может всякое случиться: разобьют исключительный прибор, контузят шальным снарядом и... впросак! Так что пусть сверят все эскадренные дальномеры «Барра и Струда» и репетируют. Чтоб по первому разряду мне были! Бездельники!

* * *

Ледоколом отошли ровно на столько, чтобы не светиться вертолётom, обогнув юго-западную оконечность архипелага Северная Земля (мыс Неупокоева). Стали на якорь у входа

⁵ Про «немытую шерсть» вполне реальная цитата адмирала.

в пролив Шокальского.

Пролёт «вертушки» вдоль всей его длины с промерами толщины льда и далее на ближайшие километры над морем Лаптевых показал, что пройти там будет вполне удобоваримо.

Скинули «квитанцию» на эскадру: «следовать к ожидающему их у пролива ледоколу».

На флагмане как всегда отреагировали с небольшим запозданием (всё та же цепочка инстанций), но на связь вышел сам Рожественский.

Пролив Шокальского пролегал между островами Большевик и Октябрьская Революция. На картах, предоставленных предками, дабы не нервировать их революционной тематикой, эти названия просто чуть подрезали – лишь бы самим было понятно, о каком объекте идёт речь.

Рожественский же, изучив маршрут северного похода, подошёл к картографии со своим взглядом на географическую ономастику – творческим и верноподданническим⁶.

– Ты гляди, чего Зиновий предлагает. Видите ли, «Шокальский» ему звучит неблагозвучно, – штурман, как всегда, привычно расположился над картой. – И надо же, угадал, один в один, как было.

– Ты о чём? – Капитан не успел к сеансу связи с адмиралом – завтракал.

⁶ Ономастика (происходит от древнегреческого) – искусство давать имена.

– Да бузит, типа «чё за Шокальский? Кто таков? Почему не знаю?». А архипелаг предлагает назвать в честь царя, аккурат как в своё время до какого-то там года он и был назван. «Большевик» – в «Цесаревича Ляксея». Фигеть! Так и в судьбу и предопределённость поверишь⁷.

– Да и по барабану бы... – отмахнулся кэп.

– Путаница только будет, если совместные хождения и планирования тут будут в дальнейшем. Мы ж привыкли к прежним названиям. Кстати, не знаешь, кто такая Ольга Николаевна? Зиновий намерен в честь неё остров Крупской переименовать.

– Пёс его знает...

– По-моему, жёнушку его так звали, – вмешался Шпаковский, – я вчера проштудировал биографию нашего адмирала.

– Во как. Стало быть, и себя не забыл... умник.

– Похрен. Хоть горшком назови, только в печь не ставь, – всё так же неожиданно покладисто реагировал Чертов. – Меня сейчас больше льды в Лаптевых волнуют. Ох, и намучаемся.

– Это да!

⁷ Архипелаг Северная Земля открыла географическая экспедиция 1910—1915 годов Б. Вилькицкого. До 1926 года архипелаг носил название Земля Николая II.

* * *

Вот тут и пригодилась вся учёба-тренировка в Карском море... и «на» и «по» и «через».

На полуметровом льду...

По битому, сплоченному...

Через торосы и перемычки.

А ещё и «в» – в разных режимах. Так как совместное маневрирование боевых и грузовых судов имеют свои нюансы и сложности.

Разведку провели с особой тщательностью, не ограничившись дистанционным промером толщины ледяного покрова. Приходилось, как говорится, «ручками-ножками» – с посадкой вертолётa на поверхность. При боковом ветре, когда «вертушку» предательски сносит над сплошным белым полем, где и глазу зацепиться не за что, да при поднявшейся снежной пы́ли от молотящих винтов – та ещё задачка.

Для ориентира кидали вымпел, а то и вовсе прихваченные для такого дела старые автомобильные покрышки.

А иногда вообще делали виртуозный финт без посадки – пилотяга ставил «Миля» на одно колесо, на лёд, без выключения двигателя, в режиме зависания. Парни-гидрологи прямо из грузового отсека делали промер, давали отмашку-добро – дело сделано, и Шабанов уводил машину к следующей

точке. Ну и конечно, без джипизэсов-глонассов летали по счислению, с помощью компаса и секундомера, естественно, греша в общей навигационной точности на десяток миль.

Что пока было не критично – Новосибирские острова под-
корректируют.

* * *

Упала температура, стекла окна ходовых рубок узорами. Мороз теснил туманы. Ветер дул умеренный, сухой, морозный, колючий. Северный. Тем не менее весь опыт «ледорубщиков» говорил, что в восточной части моря Лаптевых обстановка обещает быть полегче. Даже с оглядкой на более холодные температуры нынешнего века.

Так что прихватить хоть какой-то участок «Великой Сибирской полыньи» всё же рассчитывали⁸.

Формировали караван несколько в иной ордер (порядок следования) – «черноморцев» объединили и поставили за двумя «бородинцами», которые должны были «трамбовать» за ледоколом дорогу, дабы льдины не успевали заползти в ледовый канал. «Ослябя» так и оставался концевым.

Протяжённость моря Лаптевых (кстати, в это время носящего имя Норденшёльда) с запада на восток, а в нашем слу-

⁸ *Великая Сибирская полынья* – полоса открытой воды за внешней кромкой припая, регулярно образующаяся на участке от моря Лаптевых до Восточно-Сибирского моря.

чае от выхода из пролива Шокальского до ориентировочной точки – траверза острова Котельный архипелага Новосибирские острова, чуть меньше тысячи километров⁹.

Пролив Шокальского (хрен тебе, Зиновьишко, привычней нам именно так) форсировали достаточно легко, вышли в море Лаптевых и там сразу как-то с ходу прогрызли с десятков-полтора миль. А потом началась мутотень со всеми «прелестями» прохождения в тяжёлых льдах.

Выше к норду действительно лежали паковые льды. Но и к югу спускаться смысла не было – ледяное покрытие тоньше не становилось. А так хоть можно было сократить путь высокими широтами.

Шли тяжело, делая порой каких-то десять навигационных миль за все те же десять часов, так как даже это, несравнимое с паком ледяное поле оказало достойное сопротивление.

Искали слабины (незаметные трещины между ледяными полями) и двигались по их кромкам, зигзагами, чуть ли не петляя.

Были и совсем напряжённые моменты: случались облипания судов (адгезия), когда по бортам судов образовывалась снежная «борода», как свинцовым грузом стопорящая движение.

Однажды «Ямалу» пришлось покинуть своё место в ордере и выкалывать изо льда завязший концевой броненосец,

⁹ Норденшёльд, Адольф Эрик – шведский (финский) мореплаватель, исследователь Арктики.

включая пневмообмыв. А потом поочерёдно оббегать все корабли, так как те успевали застрять в ледовой каше.

Но в целом для «ямаловцев» шла, что называется, рутинана... чуть морока, а где, конечно, и геморр. И то только из-за ответственности за идущих позади.

Для остальных же (следующих за ледоколом «новичков») реальный напряг. Мандраж.

И скребло кому-то по ушам-мозгам-по сердцу, когда скребло по борту. Особенно тем, кто не с верхотуры мостика на вахте, а сидел непосредственно «за стенкой», слыша весь ледовозубовный скрежет эхом от переборки к переборке.

Ледовую разведку снова проводили лишь беспилотниками, гоняя их и в хвост, и... в крылья, и... в электронную начинку. Вот в один из таких полётов техника, наконец, взбунтовалась – случилось происшествие, имевшее знаковое продолжение, которое оклемавшийся в психическом плане Шпаковский прокомментировал: «Не одна я в поле кувыр-калась, не одной мне ветер... дул!»

Третьи сутки пути морем Лаптевых

– Кто о чём, а эти всё о бабах! – Чертов «подкрался» на правое «крыло» мостика, где на рулях стоял старпом, перекидывая ручки с «малого» на «средний», перекидываясь фразами со Шпаковским.

Несмотря на чёткий график вахт, капитан всегда находится как бы «над» и «вне» этих расписаний. Когда мог – «балдел» целый день, а когда вынужден был подскочить среди ночи, при тряске ледокола на сложном участке, проторчав на мостике до утра. И завтрак пропустив.

– Да. До обеда ледовая ситуация была «недетская», но сейчас нащупали – трещина хорошо идёт и практически на восток. Так что пяток миль пройдем шустро, – вольно доложил старпом, – сам же видишь.

Широкие прямоугольные иллюминаторы, как засвеченные экраны – полярное солнце роняло на белую равнину тысячи искринок, слепя, заставляя щуриться.

Заявленная трещина, сужаясь в тонкую изломанную линию, терялась, уходя на милю вперед.

– Ща ещё «птичка» должна стартовать, – помощник, не отрывая взгляда от передней панорамы, качнул головой в сторону центра мостика, где над выносным пультом склонился оператор. – Впереди ночь. Дорожку следует основательно просканировать.

Чертов покивал, соглашаясь: «Беспилотники. Радарчик там на них килограммов на пять-семь, а выдача супер. Оказались на редкость удачными машинками. Без них пилоты бы точно замудохали».

И напомнил, отвлекаясь:

– Ну и? Что там о бабах?

– Да рассказываю я о своей бывшей, – воспоминание было, видимо, так себе, потому как старпом криво усмехнулся. – Закладывать она хорошо стала, когда у нас ещё всё нормально было. А мне чё? Мы тогда ещё молодые были – весело, непритязательно.

– Погоди, – прищурился кэп, – это та полукровочка с Тикси?

– Ага. А ты помнишь?

– Ну, так стишок экспромтный про водовку разве забудешь.

– Гля! А чего я не в курсе? – делано возмущился Шпаковский. – Декламируй.

Старпом глянул на кэпа, получив подбодрение:

– Давай, давай. Я и сам дословно уж не помню. Тряхни стариной.

– Мэ-э-м, – потянул малость помощник, смущаясь с ухмылочкой, – примерно так...

Напилась бы ты водки, родная.

И лежала б с похмелья – больная...

Я в беде бы тебя не покинул,
Я скормил бы тебе аналгину.
И компресс бы на лобик холодный...
Знай, как пить наш напиток народный!

– Ва-а-ах, дарагой! Да ты жжёшь, романтик! – заржал Шпаковский. – Пушкин с Есениным отдыхают!

За смехом слышали, что парень с казанского ОКБ, который корпел за дальним пультом у экрана беспилотника, подал голос, зашумел и даже рукой что-то изобразил, привлекая внимание. Думали – тоже на «поэзию» отреагировал, поддержав веселье. А он уже громче:

– Товарищ капитан! Андрей Анатольевич! У нас проблема!

* * *

Картинка была чёткая – высота полёта у «птички» всего с километр. Шли данные со сканеров. А вот курс – вместо восточно-оптимального, практически на норд.

– Мы его на ветер подняли, – объяснял инженер с «Сокола», – стали выводить на курсовой, а он чуть добрал к востоку и всё. Такое впечатление, что не принимает команд.

– И что с ним будет?

– Будет идти по прямой до выработки горючего. Километров двести, если высота прежняя останется. Часа три. Вот

ведь невезучий – то мишка его покоцал, то вот теперь...

– А потом упадёт? Кирдык машине?

– По программе после выключения двигателя должен автоматически раскрыться парашют. Воткнётся радиомаяк. Так что найти и подобрать мы его вполне сможем.

Капитан переглянулся с помощником:

– Двести кэмэ. Это только вертолётom – гнать винтокрыла, сжигать ресурс и...

– Но там же уникальная аппаратура, – заболел за свою технику инженер, – один радар чего сто́ит!

– Я понимаю. Подумаем.

Думали. Совещались – сомнения были. Жаба душила – радар (как минимум) было жалко. Во-вторых, пусть тут места недоступные, но а вдруг техника из будущего попадёт в нежелательные руки?

Тем не менее ресурс вертолётa тоже был не безграничным. К этому примешивалось ещё нежелание подрывать «Миля» на глазах у эскадры.

Однако повод отправиться за потерей нашёлся... и буквально огорошил – когда гоняющих туда-сюда «за» и «против» кэпа со старпомом оператор заставил сфокусироваться на экране:

– Вот смотрите. Это в записи, он проходил ещё на тысяче, минут двадцать назад.

– А приблизить нельзя?

– Я на компе хотел обработать, но... – оператор перещёлкнул, ставя картинку онлайн, – у него как раз выработалось горячее. Опускается. Он уже на парашюте. Его ветром опять понесло к югу. Немного крутит, но вот... стоп-кадр удачный. Видите – длинное, немного возвышается над торосом. Хрень-оглобля какая-то.

– Не оглобля, – приблизив лицо к экрану, уверил Шпаковский, – это фрагмент борта или обшивки корабля. Снегом сильно прибито, запорошено, очертания не разобрать. Чёрт меня подери! Это буква «S» там проглядывается? Или...

– «Сомов»? – моментально предположил старпом, выглядывая на экран из-за голов. – Или шхуна затерянная.

– Не похоже. С какой это высоты?

– Метров восемьсот–пятьсот.

– Не похоже, – повторил капитан, – крупная уж больно. Вполне, что и не буква «S», а цифра «5». Но и не старина вековая. Когда это на борту парусников и пароходов наносили такие крупные надписи?

– Красненькое, или мне кажется? – заметил кто-то.

При вращении «парашютиста» удалось ещё пару раз под более низким углом что-то увидеть, но совсем уж нечётко.

Вскоре беспилотник встретился с поверхностью и камера автоматически (через секунд двадцать) отключилась.

– А ведь он недалеко упал, метров триста от этой штуковины. А? Так? – заводился Шпаковский.

– По маяку мы легко отыщем, – видя, что капитан всё ещё

раздумывает, поддакивал инженер.

– И даже ночью, – переглядывался с тем Шпаковский, находя полное взаимопонимание, – до заката час с небольшим. Туманов практически нет.

– Это ты к чему? – Чертóв переместился к штурманскому столу, шевеля губами, чуть склонив голову, что-то прикидывая.

– А к тому, что можно и ночью смотаться, чтобы вертолом не рисоваться. Льды такие, что далеко от эскадры, конечно, не отбежишь, но по темноте, если только с «Суворова» чего и увидят...

– Да я не против, – капитан всё ещё глазел на карту, – я просто взвешивал шансы отыскать на обратном пути... и артефакт, и нашу вещь. Не вариант. Маяк умрёт. Льдина удрейфует чёрт знает куда.

И, определившись, дал добро:

– Да! Работаем! Только надо Рождественскому объяснить. Пусть хоть сам за штурвалом на мостике стои́т, но чтоб без посторонних глаз.

* * *

Как стемнело, расчехлили «Миля», подготовили к полёту. Новость уже пробежала по ледоколу, и градус любопытного возбуждения зашкаливал. Ужин в столовке умяли, слизав с тарелок, не заметив за фантазиями и версиями, в гово-

рильне.

Примчал Волков – грудь вперёд-де: «И я полечу!»

Чертóв кряхтел, завидовал – тоже хотел, но не везде ж капитан должен быть затычкой. Оставлять судно не с руки.

Шпаковский с Рожественным лялякал минут сорок. Вышел из радиорубки – отдуваясь, аж вспотел:

– Вот странный этот типэло Зиновий! То как собака злодейская... неадекватная...

– Что там опять? – интонацией взрослого к ребёнку спросил капитан.

– Да хотя бы с «Ермаком». Я на досуге в ночную вахту потрепался с нашими на эскадре. Оказывается, по его приказу (Рожественного), с матом и угрозами, «Ермака» на торосы и погнали, запоров.

– Не удивлён, – кивнул Чертóв, – стрелять хоть не стали в бедного Фельмана? С Зиновия станется¹⁰.

– А тут я ему подробно о находке, чтоб он сдуру не заупрямился. Расписал всё с вдохновением, загадочно. Так он едва ли не с нами хотел помчаться. Видно, и у него... в попе романтика открытий взыграла.

Старшим полетел Шпаковский. Взяли Волкова и, естественно, спеца-инженера.

¹⁰ В реальной истории у «Ермака», включённого во 2-ю Тихоокеанскую эскадру, на пятые сутки похода отказала кормовая машина. Взбешённый адмирал Рожественный приказал открыть ружейный огонь по шлюпке капитана ледокола, выехавшего с докладом. Обвинив того в неумении управлять судном.

Не включая бортовых огней (до поры), «Миль» ушёл в ночь.

* * *

Специалист с казанского ОКБ сидел на штатном месте штурмана, на нём же были единственные свободные шлемофоны. На коленях он держал свой планшетник, следя за сигналом радиомаяка:

– Всё, мы над ним!

Включили прожекторы, зависнув на высоте, чтобы не поднимать снежную пыль.

– Нашу машинку я вижу, – доложил бортинженер, – ищем артефакт.

Вертолёт пошёл кругами, расширяя поиск. Минут через двадцать наткнулись на искомое. Прожектор бил пятном, не давая даже тени, и оценить, что же это всё-таки увязло во льдах, пока не удавалось.

– Садимся. Сначала забираем беспилотник. Потом топаем к объекту.

Отыскали даже отстегнувшийся парашют – тот был ярко-красный и обнаружился неподалёку. Всё снесли на борт.

Потом всей толпой, орошая всё вокруг светом фонариков, двинули по направлению к загадочной находке.

Сверху казалось, что идти будет недалеко, однако ковылять, постоянно вязнув в снеге, пришлось неожиданно хлоп-

потней, чем рассчитывали.

Подошли ближе, и теперь было видно, что это что-то длинное, присыпанное снегом. Один фрагмент, видимо тот, который и разглядели с воздуха, немного возвышался надо льдами, закругленным концом чётко выделяясь на фоне серого горизонта. Ветер очистил его от снега, и он матово поблёскивал в рассеянном свете луны.

Ещё на подходе Шабанов заворуженно проговорил:

– Я как в детстве очутился, когда смотрел «Туманность Андромеды»! Так и хочется выкрикнуть: «Звездолёт!» Как там он звался? «Парус»!

И первым же сообразил, выхватив характерные детали:

– Это не корабль!

Санкт-Петербург

Тоска. Унылое ощущение бездарной пустоты.

Стол аккуратно «завален» бумагами. Расстелена, чуть свисая за край, карта. Полупустой забытый стакан остывшего чая. Ленивая рука и взгляд перебирают страницы и буквы.

Сверяя ход войны на Дальнем Востоке – сложившееся на сегодняшний день положение с хронологией из будущего, император всея Руси Романов Николай поражался, что, несмотря на все предпринятые шаги, особых сдвигов так и не случилось.

Топталась армия в районе Мукдена.

Уже обстреливался Порт-Артур. Не регулярно, не прицельно, пока редко и безрезультатно (как заверяли) – ни одного попадания в корабли порт-артурской эскадры не было.

«Господи, только бы Рождественский дошёл благополучно. И быстрее! Новые снаряды, дополнительно для идущей Северным проходом эскадры уже отправлены во Владивосток».

Сформирована 3-я Тихоокеанская эскадра...

Романов по памяти поимённо стал перечислять корабли, не заметив, что забормотал вслух:

– «Бородино», «Орёл» – броненосцы. Крейсера: «Аврора», «Олег», «Светлана», «Жемчуг»...

Помнил, потому что дела флота преобладали. Так как, в связи с «главным секретом», к императору ближе оказа-

лись именно адмиралы.

«А вместе с тем то, что происходит на суше, в армии не менее важно! А что сделано? И немало бы, однако как же недостаточно».

Пропускная способность железной дороги не позволяла насытить армию войсковыми частями, артиллерией и боеприпасами в должной мере.

Отправленные на Дальний Восток подкрепления и новые (более перспективные) офицеры, которых присоветовали подсказки потомков, а также кадровые перестановки в действующей армии (едва ли не супротив ценза), не смогли переломить ход войны и лишь вызывали недоумение у высшего генералитета. Впрочем, как и у самих назначенцев.

И на самом деле, это был весьма смелый, если не сказать сомнительный ход со стороны государя. Так как молодые офицеры не имели ни опыта, ни навыков командования большими соединениями, ни, что уж там говорить, авторитета.

Взять того же генерала Брусилова, Алексея Алексеевича. Не имея практики командования даже полком, тем не менее он не посмел отказать царю, лишь осторожно высказал своё сомнение: «справится ли?». Но, так или иначе, получив от государя: «Я в вас верю!», полномочия и целое собрание наставлений, ещё пахнувших свежей типографской краской, с примерами и разбором тактических приёмов, которые ему следовало изучить, генерал отбыл на новое место службы.

Алексей Алексеевич и не догадывался, что часть из того, что он штудировал по пути на Дальний Восток, запершись в отдельном в купе, взято из опыта его же будущих блистательных побед.

А пока ход военных действий на востоке не радовал!

Императора успокаивали, говоря, что так сразу, с налёту не получится. Изменения будут накапливаться, в итоге дав результат.

«Но когда же?»

Русский царь не знал, что именно сейчас, после массивной артподготовки, тщательно подготовленный генералом Брусиловым удар на узком участке близ реки Шахэ проломил японские порядки. В прорванный фронт устремились кавалерийские части, казаки, обходя японцев с флангов, ломая сопротивление и сея панику.

Забегая вперёд, надо сказать, что это было первое столь успешное наступление русской армии в войне. Во фланговые «котлы» попали несколько тысяч японских солдат. Некоторой части их удалось вырваться, но японцы «откатились» на сотню километров, успев, правда, вовремя закрепиться.

Примечательно, что одним из плененных офицеров при штабе генерала Куроки был британский военный агент, целый генерал... как там его (почти с испанским поимённым «иконостасом») – Ян Стэндиш Монтин Гамильтон. Ну и «сэр» ко всему ещё.

Однако вернёмся к нашим ба... э-э-э, к тяжёлым царским думам.

На днях Романов сподобился посетить полигон одной из стрелковых школ близ столицы. Поглядел на экзерсисы «морпеха» – этого военного из будущего, носящего звание, равное, как ему объяснили, всего лишь старшему унтер-офицеру.

«Сержант, – припомнил император, – молодой (лет тридцать), всегда гладковыбритый “под англичанина”, уверенный в себе. Крепко сбитый и рослый».

Романов заметил, что они – выходцы из будущего, за редким исключением, практически все не носят бород и усов.

«И что ж – передовое подразделение в новых методиках и тактике ведения войны произвело впечатление. Да-с».

Комиссия Генерального штаба, офицеры военных академий взяли под козырёк и взялись изучить и проработать новые приёмы в боевом применении стрелкового, пулемётного, гренадерского оружия...

«Но что-то они долго рассусоливают... господа генералы. Время идет, а возок и ныне там. И прав тут Ширинкин, высказавшийся о нецелесообразности посылать это новаторское подразделение на восток... к генералам, которые просто не понимают его тактическую ценность. Прикажут самодурно идти в штыковую под пулемёты и?.. Да и что их – горстка в масштабах задействованных сил. А потому баловство это

всё». И как сам этот сержант-морпех обмолвился, «мы готовимся к будущей войне».

Тут и вовсе стало тошно.

«К будущей войне. Как бы избежать её, эту будущую войну? Да вот только всё говорит о том, что остаться в стороне не удастся. Придётся принять ту или иную сторону. И привести Россию к гибели?»

И что-то ему подсказывало, что события будут развиваться так, как было предназначено.

Император дёрнулся. Нервно допил остатки чая, выдохнул, как после «сорокоградусной». Снова и снова тревожась мыслями.

Не так уж спокойно было и в столице. Как бы ни «резвились» жандармы и полиция, производя превентивные аресты, это только вызывало дополнительные возмущения и ропот. Введённое особое положение на время войны тоже не осталось без язвительного внимания со стороны общественности.

По императорскому велению взялись за коммерсантов, чиновников и интендантов, бессовестно наживавшихся на военных поставках. Всё бы ничего, да в деле всплыли высокие фамилии и ранги. Пробежавшись по докладной, оценив масштабы и суммы, которые проходили по ведомостям, Романов вообще пришёл в замешательство.

«Как так можно-с?!»

И от этого опять только тоска, тоска.

Раньше он бы нашёл утешение в мягких плечах супруги. Но попытавшись представить себе это сейчас, неожиданно понял, что что-то сломалось в их доверительных отношениях. И это, наверное, опечалило ещё больше, нежели иные (государственные) неурядицы.

«Господи! Ну почему мне? Почему этот чёртов ледокол с его чёртом-капитаном не свалился на нашу голову при папá. Он-то уж быстро нашёл возможности и принял правильные решения».

И снова предательски кольнуло мыслями: отречься, уехать...

И вполне осознавал, что если бы не тот же Ширинкин, Авелан, Дубасов и ещё кое-кто из подобранных ими людей, которые реально радели за державу... как бы он себя повёл? Только они его и подстёгивали, заряжая энергией к действию.

Стало стыдно.

«Вон Дубасов уже думает о будущей войне. Ах... если бы её избежать».

Фёдор Васильевич уже готовил проекты укрепления Балтики, изучая опыт минных постановок. Намереваясь в том числе перевооружить старые броненосцы береговой обороны новыми дальнобойными орудиями. Те самые старые броненосцы, которые должны были погибнуть в злополучной Цусиме.

Ныне же туда, на тихоокеанский рубеж ушло всё, что счи-

талось пока ещё современным, новым. И все что с появлением британского «Дредноута» безнадежно устареет.

«Продать бы их... после этой постылой войны с японцами. Если уцелеют. Иначе где денег на новые линкоры-дредноуты брать? Особенно если ещё городить все проекты, что задумали потомки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.